Жорж Сименон

Весь Мегрэ

Дом судьи

Дом судьи

Жорж Сименон

Аннотация
Жорж Сименон. «Дом судьи»
Глава 1. Жена таможенника
Глава 2. Послушайте, старина…
Глава 3. След Эро
Глава 4. Под оком Республики
Глава 5. Человек, которому хочется в тюрьму
Глава 6. Две англичанки из Версаля
Глава 7. «Расспросите обо всем комиссара»
Глава 8. Едоки картофеля
Глава 9. «Карусель»
Глава 10. Чем угостила бы Дидина?
Глава 11. Служанка врача

Аннотация

Бдительная пожилая дама сообщает комиссару Мегрэ о случайно увиденном ею через окно у богатого соседа мертвом теле . Хотя все это весьма напоминает бредни сумасшедшей старухи, комиссар принимается за расследование и неожиданно открывает весьма нелицеприятные факты для хозяина указанного дома.

Жорж Сименон
«Дом судьи»

Глава 1
Жена таможенника

— Пятьдесят шесть, пятьдесят семь, пятьдесят восемь, — считал Мегрэ.

Считал он машинально. Это выходило само собой. Голова была пуста, веки налились тяжестью.

— Шестьдесят один, шестьдесят два…

Он выглянул на улицу. Во «Французском кафе» нижняя половина окон была из матового стекла. Сквозь верхнюю виднелись лишь облетевшие деревья на площади, которые сек нескончаемый дождь.

— Восемьдесят три, восемьдесят четыре…

Стоя с кием в руке, он видел свое отражение во всех зеркалах, которыми были отделаны стены кафе.

А хозяин г-н Ле Флем как ни в чем не бывало молча продолжал серию ударов. Переходил от одного края зеленого поля к другому, наклонялся, выпрямлялся, издали провожал шары взглядом.

— Сто двадцать два… Сто двадцать три…

В зале было просторно. У окна сидела с шитьем

пожилая служанка. И все. Ни души, кроме них троих. Разве что кот у печки.

А на часах еще только три! И еще только тринадцатое января. Комиссару виден пухлый календарь, висящий позади кассы. И все это продолжается уже три месяца! И…

Он никому не жаловался. Даже г-жа Мегрэ — и та не знает, почему он попал в немилость и получил назначение окружным комиссаром в Люсон. Это изнанка их ремесла, посторонних в это не посвящают.

Г-жа Мегрэ тоже здесь, живет в квартирке, которую они сняли над лавкой торговца роялями. У них уже были стычки с хозяйкой, потому что… Эх, не все ли равно!

— До скольких играем? — осведомился г-н Ле Флем, чтобы знать, не пора ли остановиться.

— До ста пятидесяти.

Мегрэ неторопливо курил трубку. Ого! Сто сорок семь, сто сорок восемь, сто сорок девять, сто пятьдесят! Шары замерли на столе; белые были грязно-желтого цвета, красный — неаппетитно-розового. Кии поставили в пирамиду. Г-н Ле Флем подошел к стойке, накачал себе и Мегрэ по полкружки пива и смахнул пену деревянным ножом.

— Ваше здоровье!

О чем им еще говорить?

— А дождь все идет…

Мегрэ влез в пальто, надвинул на самые глаза шляпу-котелок и через несколько секунд, засунув руки в карманы, уже шагал по улицам городка сквозь сетку дождя.

Вскоре он распахнул дверь полицейского участка, где стены были увешаны официальными объявлениями. Наморщил нос, учуяв бриллиантин, которым пользовался инспектор Межа — этот приторный запах не перебьешь даже десятком выкуренных трубок.

На стуле сидела морщинистая старушка в чепце, перед собой она держала необъятный вандейский зонт, с которого текло. На полу уже образовалась лужа, словно от шкодливого щенка.

— Что еще такое? — проворчал Мегрэ, пройдя за перегородку и нагнувшись к единственному своему инспектору.

— К вам. Желает беседовать исключительно с вами.

— Как это — со мной? По фамилии меня назвала?

— Спросила комиссара Мегрэ.

Старуха уловила, что речь о ней, и с достоинством поджала губы. Прежде чем снять пальто, Мегрэ по привычке порылся в бумагах, дожидавшихся на столе. Обычная текучка: надзор за несколькими поляками, задержанные без удостоверения личности, лица с ограничением места жительства…

— Слушаю вас, сударыня. Сидите, пожалуйста! Но прежде всего, от кого вы слышали мою фамилию?

— От мужа, господин комиссар. Его зовут Жюстен Юло. Вы сразу вспомните его, как только увидите: у него очень запоминающееся лицо! Он был таможенником в Конкарно, а вы приезжали туда по одному делу. Вчера он, как только убедился, что труп еще в комнате, так и сказал мне…

— Виноват! О каком трупе речь?

— О том, что находится дома у господина судьи…

Эту особу не так просто сбить с толку! Мегрэ смотрел на нее без особого интереса: он еще не подозревал, что с этой самой Адиной Юло, шестидесяти четырех лет, сидящей напротив него, ему придется свести куда более близкое знакомство и что он, как все, станет называть ее Дидиной.

— Для начала надо вам сказать, что муж мой

вышел на пенсию и мы перебрались ко мне на родину, в Эгюийон. Там у меня домик поближе к порту: я получила его в наследство от покойника дяди… Вы, конечно, не знаете Эгюийон?.. Так я и думала, что не знаете. В таком случае вам трудно разобраться. Но к кому мне обратиться, кроме вас? Не к нашему же деревенскому полицейскому — он с утра до ночи пьян и нас на дух не переносит! А мэр знать ничего, кроме своих мидий, не хочет.

— Мидий? — переспросил Мегрэ.

— Да, он разводит мидий, как мой покойный дядя и почти все в Эгюийоне. У него плантация — ого-го-го, какая!

Инспектор Межа, дурак набитый, не удержался и насмешливо хихикнул; Мегрэ смерил его ледяным взглядом.

— Итак, вы, сударыня, остановились на том…

Г-жа Юло не нуждалась в подбадривании. Спешить ей было некуда. Она лишь метнула на Межа взгляд, подчеркивавший всю бестактность его смешка.

— Всякое ремесло на свой лад почетно.

— Разумеется! Продолжайте, пожалуйста.

— Эгюийон довольно далеко от порта, у нас там, в деревне, всего-то десятка два домов. Самый

большой — у судьи.

— Минутку. Какой судья?

— Его фамилия Форлакруа. В свое время он был мировым судьей в Версале. Сдается, у него случились там неприятности; не удивлюсь, ежели уйти в отставку его вынудило начальство.

Да, не жалует судью эта крохотная, сморщенная старушонка! И уж подавно не боится говорить о людях все, что думает.

— Итак, расскажите о трупе. Это труп судьи?

— Ох, к сожалению, не его! Таких, как он, не убивают!

В добрый час! Мегрэ узнал, что хотел, а Межа фыркает в платок.

— Не мешайте мне рассказывать по-своему, а то собьете с толку. Какое у нас сегодня? Тринадцатое! Господи, а я-то подумала… — Она поспешно постучала по дереву, потом перекрестилась. — Дело было позавчера, то есть одиннадцатого. Накануне вечером у них были гости.

— У кого это, «у них»?

— У Форлакруа. Доктор Бренеоль с женой и дочкой. То есть с дочкой жены. Дело в том, что… Нет, так я никогда не кончу. В общем, коротали вечер вместе — они собираются этак два раза в месяц. Играют в карты до полуночи, потом поднимают

адский шум — заводят машины…

— Вы, я вижу, отлично осведомлены обо всем, что творится у ваших соседей.

— Я же вам толкую: наш дом, то есть дом моего покойного дяди, стоит прямехонько за их домом. И не хочешь, а все заметишь.

В зрачках у комиссара уже зажглись огоньки, которые обрадовали бы г-жу Мегрэ. Он курил торопливыми затяжками, не так, как обычно; подошел к камину, помешал угли и стал спиной к пламени.

— Итак, труп…

— Это было уже утром. Я сказала — одиннадцатого? Утром муж пошел обрезать яблони, благо, погода была сухая. А я ему держала лестницу. Сверху ему было видно то, что за оградой… Он забрался как раз на высоту второго этажа дома судьи. Одно из окон было открыто. И вот он вдруг спускается и говорит мне: «Дидина!» — Меня зовут Адина, но все привыкли звать Дидиной. — «Дидина, — говорит он мне, — там в комнате кто-то лежит на полу». — «Лежит на полу»? — переспросила я, а сама не поверила. С какой стати человеку лежать на полу, когда дом набит кроватями? — «Представь себе. Сейчас влезу, еще посмотрю». Он лезет наверх, спускается…

А человек он непьющий и за свои слова отвечает. И голова у него на плечах есть. Как-никак, он тридцать пять лет на службе состоял, а это что-нибудь, да значит… И вот, я вижу, он целый день все думает, думает. После второго завтрака идет, как всегда, прогуляться. Заглядывает в гостиницу «Порт». Вернулся и говорит: «Любопытно! Вчера никто не приезжал автобусом, и машин тоже не было…» — Понимаете, засело это у него в голове. Он попросил меня подержать ему лестницу еще раз. И говорит, тот человек, мол, все еще лежит на полу. Вечером он следил за светом, пока все огни не потухли.

— Какие огни?

— В доме судьи. А надо сказать, на окнах, которые выходят во двор, они никогда не закрывают ставни. Думают, ничего не видно. Ну так вот: судья зашел в ту комнату и долго там пробыл. Муж снова оделся и выбежал на улицу.

— Зачем?

— На случай, если судья надумает унести труп и бросить в воду. Но муж скоро вернулся. «Сейчас отлив, — говорит, — ему пришлось бы брести по горло в тине». А назавтра…

Мегрэ был ошарашен. За время службы он навидался всякого, но чтобы такие старички,

таможенник на пенсии и его Дидина, вели из своей конуры слежку за домом судьи, держа друг другу лестницу…

— Назавтра тело еще лежало там, в том же месте. — Она глядела на Мегрэ, словно говоря всем своим видом: «А ведь мы не ошиблись!» — Муж наблюдал за домом целый день. В два часа судья, как всегда, пошел с дочерью на прогулку.

— А у судьи есть дочь?

— Об этом я вам еще порасскажу! Эта особа тоже не подарок. У судьи и сын есть… Но этак мы вконец запутаемся. Я готова рассказывать дальше, как только тот служащий у меня за спиной перестанет давиться от смеха.

Поделом этому Межа!

— Вчера вечером прилив был в двадцать один двадцать шесть. Слишком рано, понимаете? До полуночи всегда рискуешь кого-нибудь встретить… А после полуночи вода спала. Тогда мы решили, что муж за ними присмотрит, а я тем временем съезжу к вам. Я села в девятичасовой автобус. Этот господин сообщил мне, что вы сегодня, по-видимому, не придете, но я поняла, что он попросту хочет от меня отделаться. Муж мне наказал: «Скажи комиссару, что я — тот самый таможенник из Конкарно, у которого один глаз

косит. Еще скажи, что я рассматривал труп в морской бинокль и что этот человек в наших краях никогда не появлялся. На полу видно пятно — наверняка, кровь».

— Простите, — перебил Мегрэ, — в котором часу идет автобус на Эгюийон?

— Уже ушел.

— Межа, сколько туда километров?

Межа посмотрел на карту департамента, висевшую на стене.

— Километров тридцать…

— По какому телефону вызывают такси?

Если Дидина со своим таможенником спятили — тем хуже! Придется заплатить за такси из своего кармана!

— Сделайте милость, остановите машину не доезжая порта: я выйду, чтобы нас не увидели вместе. Лучше делать вид, что мы друг друга не знаем. Народ в Эгюийоне такой недоверчивый! Остановиться вы можете в гостинице «Порт»… Эта лучше, чем другая. После ужина увидите там буквально всю деревню. А если вам удастся снять комнату, у которой окно выходит на крышу танцевального зала, вам будет виден дом судьи.

— Межа, предупредите мою жену.

Стемнело, и весь мир, казалось, превратился в

сплошную воду. Удобное такси, в прошлом чей-то личный автомобиль, пришлось старухе по душе. Ее восхитила хрустальная вазочка для цветов и электрическая лампочка на потолке.

— До чего только не додумаются! Везет же этим богачам!

Болота… Огромные плоские равнины, прорезанные каналами, изредка низенькие фермы — в Вандее их называют хижинами — и горы коровьего навоза: его сушат и пускают лепешки на топливо.

В душе у Мегрэ шевелилась робкая, слабая надежда. Он не смел еще себе в этом признаться. Неужели здесь, в вандейском захолустье, случай послал ему, опальному…

— Совсем забыла: отлив сегодня в двадцать два пятьдесят одну.

В голове не укладывается такая точность в устах старушонки!

— Если он хочет избавиться от тела, он этим воспользуется. Через Ле, там, где эта речка впадает в море у порта, перекинут мост. С одиннадцати часов мой муж будет ждать на этом мосту. Если желаете с ним переговорить… — она постучала в стекло:

— Высадите меня здесь. Дальше я пешком.

И она растаяла во влажной мгле; зонтик ее надулся, как воздушный шар. Вскоре у гостиницы «Порт» вышел из машины и Мегрэ.

— Вас подождать?

— Нет. Можете возвращаться в Люсон.

Мужчины в синих куртках — рыбаки или собиратели мидий; бутылки с белым и розовым вином на длинных лакированных столах из смолистой сосны. Дальше расположена кухня. Еще дальше — зал для танцев, им пользуются только по воскресеньям. Чувствуется, что все здесь новенькое. Белые стены, потолки из светлой ели, хрупкая игрушечная лестница. Комната опять-таки белая; железная эмалированная кровать, кретоновые занавески.

— Это дом судьи виднеется? — осведомился Мегрэ у молоденькой служанки.

Из слухового окна пробивался свет: наверно, на лестнице горит лампа. Комиссару предложили пройти в столовую, предназначенную для летних клиентов, но он попросился в общий зал. Ему принесли устриц, мидий, креветки, рыбу и баранину; рядом мужчины с характерным выговором толковали о вещах, связанных с морем, больше всего о мидиях, в которых Мегрэ ничего не смыслил.

— За последние дни у вас были приезжие?

— Уже неделю никого. Хотя позавчера, нет, третьего дня какой-то человек приезжал автобусом. Зашел к нам, предупредил, что будет обедать, но больше мы его не видели…

Мегрэ шел, спотыкаясь о всякий хлам — рельсы, корзины, стальные тросы, ящики, устричные раковины. Весь берег был застроен лачугами, где сборщики мидий хранят снасти. Целая деревенька, только без жителей. Каждые две минуты — гудок.

— Это на Китовой горе включают туманный горн, — объяснили комиссару. Горн — с той стороны пролива, на острове Ре. Кроме того, по небу бродили расплывчатые лучи света от маленьких маяков, терявшихся в измороси. Хлюпала вода. Волны плескали навстречу речушке, впадавшей в море; вода прибывала; скоро, по словам старухи, в 22.51, начнется отлив. Несмотря на дождь, у одной из лачуг приткнулись двое влюбленных: они стояли неподвижно и молча целовались.

Комиссар разыскал мост, нескончаемый деревянный мост, такой узкий, что по нему с трудом прошла бы машина. В темноте смутно виднелись мачты; прилив поднимал лодки. Оборачиваясь, Мегрэ видел огни гостиницы, из которой только

что вышел, а подальше, метров через сто, другие два огонька в доме судьи.

— Это вы, господин комиссар?

Мегрэ вздрогнул. Он чуть не наткнулся на кого-то и прямо перед собой увидел косящие глаза.

— Я — Жюстен Юло. Жена мне сказала… Жду здесь уже час, на случай, если ему придет в голову…

Дождь был ледяной. От воды веяло холодом. Скрежетали блоки, невидимые предметы жили своей ночной жизнью.

— Позвольте доложить. В три часа я забрался на лестницу — труп еще был на месте. В четыре мне захотелось проверить еще раз, пока не стемнело. Так вот, его уже не было. Он стащил его вниз. Наверняка, положил у дверей, чтобы в нужный момент побыстрее вынести. Не понимаю, как он его потащит. Судья меньше меня ростом, да и похлипче будет. Ростом и комплекцией он примерно как моя жена… А тот… мужчина крупный… Тс-с!

В темноте кто-то шел. Доски моста одна за другой прогибались. Когда опасность миновала, таможенник заговорил опять:

— По ту сторону моста — Ла Фот. Это даже не деревушка: просто несколько дач для тех, кто

приезжает на лето. Днем сами увидите. Дело вот в чем: в тот вечер, когда они играли в карты, к судье приходил сын, Альбер… Внимание!

На этот раз по мосту шли влюбленные; они облокотились о перила моста, глядя на темную реку. У Мегрэ мерзли ноги. Носки пропитались водой. Он обратил внимание, что на таможеннике резиновые сапоги.

— Высота воды сто восемь. В шесть утра на отмели выйдет вся деревня.

Юло говорил тихо, как в церкви. В этом было нечто впечатляющее и в то же время комичное. Комиссару уже приходило в голову, что ему, пожалуй, уместней было бы сидеть сейчас в Люсоне во «Французском кафе» и перекидываться в карты с хозяином, доктором Жамэ и Бурдейлем, торговцем скобяным товаром, позади которых примостился бы старикашка Мемимо, как обычно, качая головой при каждом ходе.

— Жена следит за задней стеной дома.

Значит, старушонка тоже при деле.

— Ведь кто его знает! Вдруг он выведет машину и надумает отвезти труп куда-нибудь подальше…

Труп! Труп! А существует ли на самом деле этот труп?

Третья трубка… Четвертая… Порой дверь гостиницы открывалась и закрывалась, слышались удаляющиеся шаги, голоса. Потом погас свет. Под мостом прошла на веслах лодка.

— А, это старик Барито поплыл ставить верши на угрей. Вернется часа через два, не раньше.

Как старик Барито ориентируется в этой тьме кромешной? Непостижимо! Чувствовалось, что море совсем рядом, у конца протоки. Оно дышало где-то вблизи. Вздувалось, неумолимо наступало.

Мегрэ отвлекся. Он сам не заметил, как это произошло. Он думал о том, что уголовную полицию Парижа слили с общенациональной сыскной и при этом возникли трения, которые обернулись для него Люсоном. Его послали в Люсон, и вот…

— Смотрите!

Пальцы бывшего таможенника вцепились ему в руку.

Ну-ну! Что ни говори, вся эта история неправдоподобна. Чтобы два старика… Чего стоит хотя бы лестница, которую держала Дидина! Да еще морской бинокль, и эти расчеты с приливом…

— Погасили…

Что необычного в том, что у судьи в этот час погасили свет?

— Идите сюда… Плохо видно…

Мегрэ шел на цыпочках, чтобы не раскачивать доски моста. А тут еще этот горн мычит по-коровьи…

Вода поднялась почти до самых лодок на мостках. Мегрэ споткнулся о дырявую корзину.

— Тс-с!

И тут они увидели, как дверь дома судьи отворилась. На порог прыгающей походкой вышел невысокий человек, огляделся, вернулся в коридор.

Мгновенье спустя произошло то, что казалось неправдоподобным. Невысокий вышел снова; согнувшись, он тащил волоком по грязи какой-то длинный предмет.

Предмет явно был тяжелый. Через несколько метров человек остановился перевести дух. Дверь дома осталась открытой. До моря было еще метров двадцать-тридцать.

— Ух!..

Они скорее угадали, чем услышали это «ух». Человек напрягал все силы. Дождь не переставал. Пальцы таможенника, стискивавшие толстый рукав Мегрэ, непроизвольно дрожали.

— Вот видите!

Да, все было так, как рассказывала старуха, как предвидел бывший таможенник. Этот человек

— явно судья Форлакруа. А волочет он по грязи безжизненное человеческое тело.

Глава 2
Послушайте, старина…

Все это выглядело какой-то фантасмагорией: судья-то ведь ни о чем не подозревал. Он думал, что кроме него в темноте никого нет.

Время от времени свет маяка окружал его светящимся ореолом, и тогда можно было разглядеть старый габардиновый плащ и фетровую шляпу. Мегрэ даже заметил у судьи во рту папиросу — наверно, она уже потухла из-за дождя.

Между ними оставалось не больше четырех метров. Комиссар и муж Дидины стояли возле какой-то будки. Они и не думали прятаться. Судья не замечал их только потому, что не глядел в их сторону. Он совсем замучился. Груз, который он тащил, зацепился за трос, натянутый поперек пристани сантиметрах в двадцати от земли. Надо было поднять тело и перекинуть через трос. Судье это долго не удавалось. Он явно не привык к физическому труду: ему было жарко, он утирал пот.

И тут Мегрэ, не дожидаясь удобного момента и не подумав, как лучше взяться за дело, запросто брякнул:

— Послушайте, старина…

Судья оглянулся, увидел двух мужчин — огромного Мегрэ и тщедушного таможенника. Было слишком темно. По его лицу нельзя было прочесть, какие чувства он испытывает. Прошло несколько долгих секунд. Потом раздался голос. Пожалуй, не слишком уверенный.

— Виноват, а кто вы?

— Комиссар Мегрэ.

Он приблизился, но лица судьи по-прежнему почти не различал. Мегрэ чуть не наступил на тело, завернутое в какие-то мешки. Странно, что в такую минуту судья переспросил с удивлением, к которому примешивались уважительные нотки:

— Мегрэ из уголовной полиции?

В близлежащих домах все спали. Где-то в шелестящей тьме старик Барито ищет ямы на дне, чтобы поставить верши на угрей.

— Пожалуй, оно к лучшему, — снова заговорил судья. — Ко мне пойдете?

Он сделал несколько шагов, словно забыв о своей ноше. Вокруг стояла такая гнетущая тишина, что, казалось, все они живут в замедленном темпе.

— Может быть, тело пристойнее будет отнести в дом? — нехотя предложил судья.

Он нагнулся. Мегрэ пришел ему на помощь. Дверь дома была не затворена. Таможенник остановился на пороге; Форлакруа не узнал его и не понимал, собирается тот войти или нет.

— Благодарю вас, Юло! — сказал Мегрэ. — Завтра утром я к вам загляну. А пока хотелось бы, чтобы никто ничего не знал. У вас есть телефон, господин Форлакруа?

— Есть, но после девяти вечера нас не соединяют.

— Минутку, Юло. Сходите на почту и позвоните. Попросите Люсон, номер двадцать три. Это гостиница. Позовите к телефону инспектора Межа. Пусть как можно скорее едет сюда.

Ну вот! Наконец-то они оказались в коридоре вдвоем, лицом к лицу; судья включил свет. Снял шляпу, с которой капала вода, снял плащ. Ночные тайны рассеялись. При свете судья оказался невысоким худощавым человеком с правильными чертами лица, обрамленного длинными волосами, белокурыми с проседью, очень тонкими и наводившими на мысль о парике.

Он посмотрел на свои руки — они были в грязи, — потом перевел взгляд на свою ношу. Мегрэ заметил, что тело увязано в два мешка из-под угля — один закрывает голову и грудь, другой — ноги.

Края мешков были грубо сшиты бечевкой.

— Хотите сразу на него посмотреть?

— Кто он? — спросил Мегрэ.

— Понятия не имею. Снимайте пальто и входите, пожалуйста.

Судья обтер руки платком, отворил дверь, повернул еще один выключатель, и они очутились на пороге просторной комнаты, в глубине которой потрескивали дрова в камине.

Вряд ли что-нибудь могло поразить в ту минуту Мегрэ больше, чем эта комната с ее ласковым теплом и гармоничным порядком. Из-за дубовых балок потолок казался слишком низким. К тому же, чтобы войти, надо было спуститься на две ступеньки. Пол был выложен белыми плитками, на которые были брошены два-три коврика. Вдоль белых стен — только шкафы с книгами, тысячи книг.

— Садитесь, комиссар… Помнится, вы любите тепло.

На старинном столе — опять книги. Перед столом два кресла. Разве укладывается в голове, что за дверью, зашитый в два мешка из-под угля, лежит…

— Мне повезло, что случай свел меня с таким человеком, как вы. Кстати, я не вполне понимаю:

мне казалось, что вы в Париже…

— Я получил назначение в Люсон.

— Тем лучше для меня. Мне, разумеется, было бы трудно все объяснить обычному полицейскому. Не возражаете?

Он достал из ренессансного сундучка серебряный поднос и, хрустальный графин со стаканами; в хорошо продуманном освещении они заиграли восхитительными отблесками, создавая атмосферу изящества и уюта.

— Прошу вас, стаканчик арманьяка. В сущности… Я вот о чем подумал: как этот гнусный одноглазый таможенник оказался замешан в…

Именно в этот миг Мегрэ вдруг ясно оценил ситуацию. Комиссар буквально увидел, как он сидит, удобно устроившись в кресле, вытянув ноги к огню и грея арманьяк в ладонях. Его осенило: говорит-то и задает вопросы не он, а этот проницательный и спокойный человечек, несколько минут назад тащивший труп к морю.

— Прошу извинить, господин Форлакруа, но мне кажется уместным спросить вас кое о чем.

Судья повернулся к комиссару; в его синих как незабудки глазах читались удивление и укор. Он, казалось, говорил: «Ну зачем? Не думал, что вы такой. Что ж, как хотите».

Но он промолчал, лишь вежливо наклонил голову, чтобы лучше слышать. Это был свойственный ему жест, означавший, что он немного туг на ухо.

— Вы только что заявили, что не знаете… этого человека.

Господи, как трудно! До чего щекотливыми становятся обычные вещи, когда ты погружен в такое блаженство!

— Уверяю вас, я его в глаза не видел.

— Тогда почему…

Он должен это сказать! Смелее! Мегрэ на секунду прикрыл глаза, будто глотал горькое лекарство.

— Почему вы его убили?

Он открыл глаза и вновь увидел на лице судьи то же удивленное и укоризненное выражение.

— Но я не убивал его, комиссар! Что вы! Зачем я стану убивать субъекта, которого не знаю и никогда в жизни не видел? Я понимаю, что это трудно себе представить, но не сомневаюсь, что вы-то мне поверите.

Самое интересное, что Мегрэ уже ему поверил! Он поддался чарам этого молчаливого дома, где слышался лишь треск поленьев да иногда шум моря вдали.

— Если позволите, я расскажу, как разворачивались события. Еще капельку арманьяка? Мой старый друг, который долго пробыл прокурором в Версале, прислал мне его из своего замка в Жере.

— Вы тоже ведь жили в Версале, не правда ли?

— Почти всю жизнь. Прелестный городок. В людях там, по-моему, до сих пор чувствуется эпоха Людовика XIV: трудно найти где-либо столь учтивое общество в прежнем понимании этого слова. У нас сложилась небольшая группа, которая… — он махнул рукой, словно стараясь отогнать бесполезные воспоминания. — Не важно… Это было… Да, это было во вторник.

— Во вторник, десятого, — уточнил Мегрэ. — К вам приезжали друзья, если не ошибаюсь.

Судья слегка улыбнулся.

— Вижу, вас уже поставили в известность. Верно, вы же только что виделись с Юло. И само собой разумеется, с Дидиной. Она лучше меня знает, что происходит в моем доме.

Мегрэ пришла в голову неожиданная мысль. Он огляделся вокруг с таким выражением, словно в этом доме чего-то недоставало.

— У вас нет прислуги? — удивленно спросил он.

— Такой, что жила бы здесь, нет. Старушка с

дочерью из Эгюийона приезжают каждое утро и уезжают после обеда. Так вот — во вторник меня навестили друзья, как каждые две недели. Доктор Бренеоль, живущий в километре отсюда, его жена и Франсуаза.

— Франсуаза — это дочь госпожи Бренеоль?

— Совершенно верно. От первого брака. Но это не имеет значения, разве что для Бренеоля.

Легкая улыбка вновь тронула его губы.

— Марсаки, которые живут в Сен-Мишель-ан-л'Эрмитаж, приехали чуть позже. Составилась партия в бридж.

— Ваша дочь была с вами?

Секундное колебание, нерешительность. Взгляд судьи стал чуть серьезнее.

— Нет, она была в постели.

— А сегодня вечером?

— В постели.

— Она ничего не слышала?

— Ничего. Я старался шуметь как можно меньше. Итак, во вторник мы разошлись около полуночи.

— А потом к вам пришел еще один человек, — произнес Мегрэ, поворачиваясь к огню. — Ваш сын.

— Да, Альбер. Он пробыл лишь несколько ми-

нут.

— Ваш сын живет не с вами?

— Он живет около мэрии. Мы с ним не сходимся во вкусах. Мой сын — сборщик мидий. Вы, наверное, знаете, что тут у нас почти все этим занимаются.

— Не будет ли бестактностью спросить, почему сын пришел к вам посреди ночи?

Судья поставил стакан, помолчал минуту и наконец выдавил:

— Будет.

Воцарилась тишина.

— Ваш сын поднялся на второй этаж?

— Он был там, когда я его увидел.

— Он, конечно, зашел к сестре поздороваться?

— Нет… Он ее не видел.

— Откуда вы знаете?

— Лучше уж я скажу сам, чем вы узнаете это от других: на ночь я всегда запираю дочь у нее в комнате. Считайте, что она — лунатичка.

— Зачем ваш сын поднялся наверх?

— Чтобы подождать меня — я ведь был внизу с друзьями. Он сидел на последней ступеньке лестницы. Мы немного поговорили.

— На лестнице?

Судья кивнул. Не начала ли в их разговоре

проскальзывать фальшь? Мегрэ одним глотком допил стакан, и Форлакруа наполнил его снова.

— Я спустился, чтобы запереть дверь на цепочку. Лег, прочел несколько страниц и быстро уснул. Наутро я зашел в чулан для фруктов, чтобы взять… Честно говоря, уже не припомню, что я там искал. Мы называем так эту комнатку, потому что держим в ней фрукты, хотя чего там только нет. Одно слово, кладовка. На полу лежал человек, которого я никогда не видел. Он был мертв; ему проломили череп каким-то тупым орудием, как это у вас говорится. Я обшарил его карманы и сейчас покажу все, что там обнаружил. Но бумажника не было. Ни одной бумажки, по которой можно было бы установить, кто он.

— Вот чего я не возьму в толк… — начал Мегрэ.

— Знаю! Объяснить это будет трудно. Я не сообщил в полицию. Держал труп в доме в течение трех дней. Ждал, когда будет высокий прилив, чтобы от него избавиться — ночью, украдкой, словно убийца. И все же я рассказал вам чистую правду. Я его не убивал. У меня не было для этого никаких причин. Я понятия не имею, почему он зашел ко мне в дом. Не знаю, пришел он сам или его принесли туда мертвого.

Судья замолчал. Издалека вновь донесся рев

туманного горна. В море еще были суда. Рыбаки вытащили на мост сеть, полную рыбы. Интересно, дозвонился ли Юло? Если да, то невыносимый Межа, с волосами, липкими от бриллиантина, поспешно одевается. Одержал ли он в постели очередную победу, которыми так любит хвалиться?

— Ну что ж! — вздохнул Мегрэ, разморенный теплом. — Думаю, все это так просто не пройдет.

— Я тоже этого боюсь. Коль скоро так вышло, я имею в виду, раз он был мертв, я счел за лучшее…

Судья не закончил фразу и отошел к окну. Труп унесло бы отливом, и все. Мегрэ зашевелился, двинул одной ногой, затем другой и, наконец собравшись с силами, стал подниматься из глубокого кресла; казалось, он вот-вот коснется головой балок.

— Мы все же взглянем на него?

Мегрэ не мог сдержать восхищения перед этой низкой комнатой, где так хорошо жилось, где все было на своем месте. Он посмотрел на потолок: какая она, эта девушка, которую запирают на ночь?

— Можно отнести его в прачечную, — предложил низкорослый судья. — Она в конце ко-

ридора.

Теперь оба они старались не запачкаться. Они находились уже не среди ночной сырости. Вновь стали цивилизованными людьми.

Прачечная оказалась просторным, выложенным красной плиткой помещением. На проволоке сохло белье.

— У вас есть ножницы? — проворчал Мегрэ, теребя мешки, из которых сочилась черная от угольной пыли вода.

Ножниц судья не нашел и вернулся с кухонным ножом. Огонь погас. Становилось холодно. Мокрые пальцы комиссара покраснели.

Самое невероятное заключалось в том, что ни один из них не ощущал никакого трагизма. Судья не выказывал и тени ужаса перед перспективой вновь увидеть лицо человека, которого он зашил в мешки. Мегрэ казался брюзгливым и упрямым, но на самом деле чуть ли не с наслаждением погрузился в расследование, которое словно с неба свалилось на него в этом Люсоне, куда он был изгнан. Он чувствовал себя, как тюлень, вновь очутившийся после цирка в ледяных водах полярного моря. Когда еще ему снова доведется войти в дом, как он только что сделал, вынюхивать, неуклюже и терпеливо расхаживать взад-вперед до

тех пор, пока люди и вещи не откроют ему свою душу? А эти Дидина и Юло! Этот сын, в полночь ожидающий отца на лестнице! Этот незнакомец, жертва, что появится сейчас из грязных мешков!

Первое мгновение получилось даже немного комичным. Мегрэ ожидал всего, только не столь прихотливой реальности. Когда верхний мешок был снят, обнаружилось совершенно черное лицо. Оно было выпачкано углем, разумеется! Все правильно, но в первую секунду мужчины уставились друг на друга с одной и той же мыслью: на миг у них создалось нелепое впечатление, что на полу лежит негр.

— У вас найдется салфетка и немного воды?

Кран громко загудел. Когда он утих, Мегрэ навострил уши. Он уловил снаружи другой шум — шум мотора. Хлопнула дверца. Пронзительно зазвенел звонок в коридоре. Межа и здесь хватил через край!

— Где комиссар? — спросил он и тут же увидел Мегрэ. Нос у инспектора был красный, ко лбу прилипла прядь волос. — Я не опоздал? Такси я не отпустил, правильно, шеф? Тут и в самом деле покойник? А где старая дура?

Он принес с собой в складках одежды не только холодный и влажный воздух с улицы, но

и вульгарность, которая тотчас же изменила атмосферу в доме. Исчезла всякая неясность, приглушенность. Межа со своим звонким тулузским акцентом был глух к нюансам.

— Установили, кто он, шеф?

— Черта с два!

Мегрэ сам удивился этому выражению: оно всплыло подсознательно, он часто употреблял его прежде, когда плутал в дебрях головоломных расследований, а идиоты, вроде Межа…

— Здорово же его тюкнули по башке!

Судья посмотрел на Мегрэ. Тот встретил его взгляд, и оба они подумали об одном, сожалея о покое, почти интимности, царившей здесь так недавно. Межа обыскал карманы покойника и, понятное дело, ничего не нашел.

— Сколько ему, по-вашему, шеф? По-моему, лет сорок. Ярлыки на одежде есть? Хотите, я его раздену?

— Вот-вот! Разденьте.

Мегрэ набил трубку и начал кружить по прачечной, разговаривая вполголоса сам с собой.

— Нужно позвонить прокурору в Ларош-сюр-Йон. Интересно, что он решил…

Судья, стоявший перед ним, серьезным тоном повторял, не отдавая себе отчета в комичности

своих слов:

— Если меня посадят, это будет катастрофа.

И тут так же внезапно, как налетает шквал, Мегрэ прорвало:

— Послушайте, господин Форлакруа. Не кажется ли вам, что погибнуть и валяться здесь на полу, — вот катастрофа для этого человека? Спрашивать себя, что же случилось с отцом, — вот катастрофа для его жены или детей? И если бы никто не узнал об этом человеке, потому что кое-кто предпочел не усложнять себе жизнь, это была бы еще большая катастрофа?

У Мегрэ не осталось даже признательности к радушному хозяину. Ему предложили незабываемый арманьяк, тепло очага, которое проникало в него, как бальзам, час сладкого блаженства, но он вновь стал неумолимым Мегрэ с набережной дез Орфевр.

Кроткий Форлакруа ответил ему лишь укоризненным взглядом.

— На пиджаке есть ярлык! — обрадовался Межа. — Сейчас прочту… Па… Па… Пана…

— Панама! — буркнул Мегрэ, вырвав пиджак у него из рук. — Это упрощает дело, не так ли? Человек, который носит одежду, изготовленную в республике Панама! А почему не в Китае?

Чтобы снять башмаки, пришлось их разрезать. Взялся за это все тот же Межа; франтоватый парень, который обожал увиваться вокруг девушек, он сделал это так же естественно, как писал свои донесения, выводя имена собственные тщательно закругленными буквами — это была его страсть.

— Ботинки сшиты в Париже, на бульваре Капуцинов. Каблуки уже немного стоптались. Думаю, обувь носили не меньше месяца. Как полагаете, шеф, кто он? Француз? По-моему, да. Из тех, кто не привык к физическому труду. Взгляните на его руки.

Оба они забыли о такси, которое ждало у дома, и о шофере, расхаживавшем взад и вперед, чтобы согреться. Внезапно дверь распахнулась. В коридоре показался человек, не менее высокий и дородный, чем Мегрэ; на ногах у него были резиновые сапоги до бедер, на голове зюйдвестка. Грудь его обтягивала клеенчатая куртка, из-под которой выглядывал толстый свитер. Медленно, с недоверием он приблизился. Оглядел с ног до головы Мегрэ, потом Межа, нагнулся над телом и наконец повернулся к судье.

— В чем дело? — злобно, почти угрожающе спросил незнакомец.

— Это мой сын, — обратился Форлакруа к Мегрэ. — Буду признателен, если вы ему объясните…

После этого он маленькими торопливыми шажками вышел из прачечной и удалился в низкую комнату, где недавно принимал комиссара.

— В чем дело? — повторил молодой человек, обращаясь на этот раз к Мегрэ. — Кто это? Кто его убил? Вы из полиции, верно? Когда я увидел перед домом машину…

И это в пять утра! Альбер Форлакруа увидел автомобиль, когда шел собирать мидии.

— Водитель сказал мне, что привез инспектора из Люсона.

Внезапно он нахмурился:

— Сестра! Что сделали с моей сестрой?

Он так встревожился, что Мегрэ был потрясен. Неужели… Пока они с Форлакруа в мягких креслах, перед потрескивающими поленьями…

— Я хотел бы повидать вашу сестру, — сказал он изменившимся голосом.

— У вас есть ключ от комнаты?

Тот молча указал на свое богатырское плечо.

— Межа! Останешься внизу.

Их шаги прогромыхали по лестнице, потом в длинном извилистом коридоре.

— Это здесь. Отойдите, пожалуйста.
И Альбер Форлакруа с разбегу ударил в дверь.

Глава 3
След Эро

Мегрэ никогда не забудет эту необычную минуту. Прежде всего, накопившуюся к концу ночи усталость, запах влажной шерсти и теряющийся в бесконечности незнакомый коридор. Опять послышался туманный горн. В тот миг, когда Альбер Форлакруа ринулся на дверь, Мегрэ взглянул в сторону лестницы и увидел бесшумно поднимавшегося судью. За ним, в лестничном пролете, лицо Межа…

Дверь поддалась, и гигант очутился на середине комнаты.

Мегрэ ждала неожиданность. Ничего подобного он не мог предположить.

В изголовье кровати горела лампа под искусно присборенным абажуром. В постели эпохи Людовика XVI полулежала молоденькая девушка; когда она приподнялась на локте, чтобы оглянуться на дверь, ее ночная рубашка спустилась с плеча, открыв тяжелую, налитую грудь. Мегрэ не смог бы сказать, красива ли девушка. Лицо, пожалуй, чуть широковатое, лоб не слишком высокий,

нос детский. Однако очертания крупных губ напоминали сочный плод, а глаза были огромны.

Зажгла ли девушка свет, услыхав шум в коридоре? Спала ли? Этого комиссар не знал. Она не без удивления смотрела на коренастого Мегрэ, стоящего в дверном проеме, и брата, который в своих резиновых сапогах возвышался посреди комнаты. Наконец, спокойно осведомилась:

— В чем дело, Альбер?

Судья не показывался, но стоял у двери и все слышал. Мегрэ чувствовал замешательство: он не мог оторвать взгляд от груди девушки, а брат это заметил. Правда, комиссар его не интересовал. Альбер подозрительно осмотрел комнату, потом открыл какую-то дверь.

Интуиция? Мегрэ был уверен, что дверь ведет в пресловутый чулан для фруктов, и подошел поближе.

— Что вы ищете? — спросил он.

В ответ — лишь свирепый взгляд. Вдруг Альбер Форлакруа нагнулся. И в комнате, и в чулане виднелись на полу следы ног. Едва заметные грязные отпечатки чьей-то обуви; грязь была еще влажной.

— Чьи это?

Альбер подошел к окну чулана: оно было от-

крыто, и холодный воздух проникал в комнату. Вернувшись в спальню, Мегрэ увидел, что девушка с обнаженной грудью лежит в той же позе. Выходит, этой ночью, быть может, даже когда Мегрэ уже находился внизу, в этой комнате, в этой постели побывал мужчина?

Альбер широким шагом пересек комнату. Ожидавший в коридоре судья пробормотал:

— Теперь я не смогу запереть дверь.

Его сын пожал плечами и, не обращая ни на кого внимания, стал спускаться вниз; Мегрэ шел следом.

— Межа!

— Да, шеф?

— Присмотри-ка за домом. Снаружи.

Мегрэ снял с вешалки пальто, взял шляпу. Еще не рассвело, но в гавани было уже оживленно, отовсюду слышались голоса и шум.

— Вы мне давеча не ответили. Вы знаете, кто это?

Мегрэ прошел мимо подстерегавшего его маленького таможенника, к замешательству последнего сделав вид, что никого не замечает. Что же до Альбера, этот не спешил открывать рот. Чудной парень!

— Я могу отправляться за мидиями? Или вы

собираетесь меня арестовать?

— Ступайте к вашим мидиям. Вот только скажите: кто этот человек, чьи следы вы нашли в комнате сестры?

Тут Альбер вдруг остановился и положил руку на плечо Мегрэ. Они стояли у самого берега. Вода быстро отступала, обнажая коричневатую вздувшуюся тину. Мужчины и женщины в коротких штанах и резиновых сапогах грузили пустые корзины в плоскодонные лодки, приводимые в движение шестами.

— Человек? Стойте-ка… Вот он.

Парень, такой же высокий и сильный, как Альбер, и так же, как он, одетый, помог старухе влезть в лодку и разом отвалил от берега.

— Его звать Эро, Марсель Эро, — с этими словами Альбер толкнул двери сарая и вынес из него стопку корзин.

Когда Мегрэ вернулся, служанка гостиницы «Порт» уже встала и мыла в зале пол.

— Где это вы пропадали? — удивилась она. — Вы что, совсем не спали?

Он уселся у печки и заказал кофе, хлеб, колбасу, сыр. И только устроившись как следует на скамье, спросил за едой:

— Вы знаете некоего Эро?

— Марселя? — выпалила она, и комиссар посмотрел на нее внимательнее.

— Да, Марселя Эро.

— Это здешний парень. А почему вы спрашиваете?

Мегрэ все равно не удалось бы убедить ее, что парень ему безразличен.

— Он сборщик мидий? Женат?

— Нет, что вы!

— Помолвлен?

— Почему вы об этом спрашиваете?

— Просто так… Мне показалось, что он крутится вокруг дочери судьи.

— Неправда! — процедила она сквозь зубы. — Может, на нее и другие охотники есть. А крутиться да любезничать им вовсе ни к чему, потому как, если уж хотите знать, эта девица, она… она… — служанка попыталась подобрать словцо покрепче, но в результате выпалила слабенькое: — не бог весть что! Это всем известно. А если ее братец и дальше станет лупцевать всех мужчин, которых застанет у ней в комнате…

— И много таких?

— Да кому не лень! А когда она сбежала в Пуатье, ее отыскали там в таком виде, что не приведи бог! Если вас пытались убедить, что она с Мар-

селем…

— Вы не добавите мне малость кофе? Еще вопрос: человек, приехавший во вторник на автобусе… Когда это было?

— Он приехал автобусом, который приходит в половине пятого.

— Ушел сразу же?

— Сказал, что вернется обедать, и пошел в сторону моста, куда точно — не знаю: было уже темно.

— Если вам покажут фотографию, узнаете его?

— Пожалуй…

— Ладно! Я пошел спать.

Она изумленно посмотрела на постояльца.

— Значит, так. Сейчас шесть. Разбудите меня в восемь утра и принесите очень крепкий кофе. На вас можно рассчитывать? Вы на меня не сердитесь из-за Марселя?

— А мое какое дело?

Спал он крепко. Это было его большое достоинство — умение спать в любом месте и в любое время, мгновенно забывая все свои заботы. Когда служанка, которую звали Тереза, разбудила Мегрэ, держа в руках чашку дымящегося кофе, его ждал приятный сюрприз. Вокруг все изменилось. В окно светило солнце. Комнату наполнял

веселый шум, складывавшийся из множества разных звуков.

— Принесите-ка мне, пожалуйста, кусок мыла, детка. И купите где-нибудь поблизости безопасную бритву и помазок.

В ожидании служанки комиссар облокотился на подоконник, глотая холодный вкусный воздух, словно ключевую воду. Вон бухта, показавшаяся ему ночью черной и вязкой. Вон дом судьи. Сараи на берегу. Все вызывало у него восторженное удивление. Сараи, к примеру, были светлые — белые, голубые, зеленые; дом судьи — весь белый, крытый нежно-розовой черепицей. Это был действительно старый дом, который на протяжении веков неоднократно перестраивался. У окна чулана для фруктов Мегрэ с удивлением заметил довольно широкий балкон с перилами; на каждом его углу стояла огромная фаянсовая ваза. По ту сторону сада — небольшой, на две комнаты, белый домик, палисадник за забором, прислоненная к яблоне лестница. На пороге домика кто-то стоит и смотрит в сторону Мегрэ: белый чепец, руки сложены на животе — быть может, Дидина?

Сборщики мидий уже вернулись. Два-три десятка необычных плоскодонок, по-местному

— аконов, выстроились у пристани, на большие рычащие грузовики грузили корзины с голубоватыми мидиями.

— Я нашла только рекламную бритву за три с половиной франка, но продавец уверяет, что…

Рекламная — так рекламная! Спать Мегрэ уже не хотелось. Он чувствовал себя свежим, словно провел всю ночь у себя в постели. Может быть, глоток белого перед уходом? Почему бы и нет?

— Почистить ваши ботинки?

Обязательно! Долой грязь! Да здравствует аккуратность! Мегрэ не смог удержать улыбки, увидев вдали инспектора Межа; тот походил на мокрого петуха, который сушит перья на солнце.

— Никаких новостей, старина?

— Никаких, шеф. Пришли две женщины: старая и молодая. Кажется, прислуга. Вот, кстати, взгляните…

Три окна на первом этаже были открыты. Это были окна библиотеки, где накануне Мегрэ с судьей провели у камина часть ночи. Старуха в белом чепце вытряхивала половики; тонкая пыль золотилась в солнечных лучах.

— Что судья?

— Не видел. Барышню тоже. А этот гнусный тип замучил меня своей болтовней.

Мегрэ посмотрел, куда указывал инспектор, и увидел таможенника; казалось, при свете дня тот косит еще сильнее, чем ночью. Он явно надеялся, что его позовут, и ждал лишь знака.

— Оставайся здесь, пока я не вернусь. Я недолго.

— Я не успею выпить чашку кофе?

— Отчего же нет! — Мегрэ находился в благодушном настроении. Чуть позже он уже входил в помещение жандармерии, где представился бригадиру.

— Прежде всего, мне нужно воспользоваться вашим телефоном. Будьте добры, соедините меня с прокуратурой в Ларош-сюр-Йон.

Прокурора еще не было. Его заместитель выслушал сообщение Мегрэ и одобрил его действия. Потом разговор с Люсоном. Потом еще несколько телефонных звонков.

Наконец-то Мегрэ все же удалось пустить машину в ход. Правда, не без сожаления о прошлых днях. В Париже у него была бы под рукой вся его бригада; ребята, которые знают его методы, которым почти ничего не нужно говорить, — Люкас, недавно получивший повышение, Жанвье, Торранс, парни из антропометрической службы. Здесь же фотограф приехал только в полдень, а

жандарм, которого он поставил неподалеку от дома, так свирепо поглядывал на прохожих, что в кафе на углу уже почуяли что-то неладное.

Мегрэ позвонил. Дверь открыла старуха.

— Я спрошу, может ли господин судья…

— Пусть войдет, Элиза.

Судья находился в большой комнате, где царил идеальный порядок; солнце через три окна заливало ее светом.

— Я пришел сфотографировать труп. Надеюсь, он остался в прачечной?

— Сейчас дам вам ключ. Я запер ее, чтобы прислуга…

— Они ничего не знает?

— Пока нет. Я предпочел…

— Ваша дочь встала?

Ну и вопрос! Неужели Мегрэ не слышит, что на втором этаже играют на рояле?

— Она тоже ничего не знает?

— Ровным счетом ничего.

Никогда еще, пожалуй, Мегрэ не сталкивался с такой стойкостью к невзгодам. Человек с изысканными манерами, образованный, кроткий, после окончания партии в бридж обнаруживает своего гиганта-сына на верхней ступеньке лестницы. И это ему кажется вполне естественным!

На следующее утро он открывает дверь и находит труп неизвестного, труп человека, которого убили. Никому ничего не сказав, не моргнув глазом, он уходит на ежедневную прогулку с дочерью. Ждет высокого прилива. Зашивает труп в мешки. Он… Прибывает полиция. Внезапно появляется разъяренный сын. Взламывает дверь в комнату дочери. Обнаруживает, что ночью там был мужчина. Он спокоен. Как обычно, появляется прислуга и принимается мирно прибираться в доме. Девушка с обнаженной грудью играет на рояле. Отец лишь запирает на ключ прачечную, где лежит труп.

Фотограф приступил к работе; судья наблюдал за ним с таким видом, словно усаживать труп и придавать ему сходство с живым человеком — самое обычное дело.

— Предупреждаю вас, — проворчал Мегрэ, — что прокуратура будет здесь часа в три. Прошу вас не выходить до этого из дому. Это касается и мадемуазель Форлакруа.

Интересно, почему слова «мадемуазель Форлакруа» показались комиссару нелепыми? Потому что он видел ее в постели, с обнаженной грудью? Потому что мужчина оставил в ее комнате грязные следы?

— Скажите, комиссар, мой сын с вами разговаривал? Стаканчик портвейна?

— Благодарю. Ваш сын только показал мне некоего Марселя Эро. Вы его знаете?

Веки судьи дрогнули, ноздри поджались.

— Вы тоже думаете, что именно Марсель был в комнате вашей…

— Не знаю, — тихо выдохнул судья.

Дверь в библиотеку была открыта. В камине пылали поленья.

— Зайдем на минутку, прошу вас.

Это прозвучало как мольба. Мегрэ оставил фотографа у двери.

— Я полагаю, вы все поняли?

Мегрэ не ответил ни да, ни нет. Он чувствовал себя неловко, тем более перед отцом.

— Именно из-за нее я уехал из Версаля и обосновался здесь, в этом доме, который принадлежит нашей семье уже давно; иногда летом мы проводили здесь месяц-другой.

— Сколько ей тогда было?

— Шестнадцать. Врачи предупредили, что приступы будут учащаться. В остальное время она вполне нормальная. — Он отвернулся. Потом, пожав плечами, продолжил: — Я не сказал вам об этом сразу. Толком даже не знаю, на что я

надеялся. Теперь вы понимаете, почему было бы лучше, если бы труп унесло в море? Люди решат… Они могут вообразить бог весть что! Да еще этот дурак Альбер…

— Зачем он приходил в тот вечер?

Нет, поздно, хотя несколько мгновений казалось, что судья все объяснит, вот-вот раскроет тайну. Быть может, Мегрэ поставил вопрос слишком прямо? Форлакруа холодно смотрел на собеседника; в солнечном свете зрачки его были почти бесцветными.

— Да нет. Это не имеет никакого отношения к делу. Пустяки. Вы в самом деле не хотите портвейна? Мой друг из Португалии…

Один друг присылает арманьяк, другой портвейн. Не старался ли он сделать свою жизнь как можно более утонченной? Занавеска на окне была не задернута, и судья, заметив прохаживающегося жандарма, рассмеялся коротким нервным смешком.

— Это что, слежка?

— Вы же знаете, что я не могу поступить иначе.

Форлакруа вздохнул и неожиданно проговорил:

— Все это очень прискорбно, комиссар. В конце

концов…

Рояль над их головами звучал не переставая; шопеновские аккорды прекрасно гармонировали с атмосферой этого богатого дома, жизнь в котором была так приятна.

— Пока! — бросил вдруг Мегрэ с видом человека, устоявшего перед искушением.

В зале гостиницы «Порт» сидели вернувшиеся с моря мужчины. Кто из них только что говорил? Сейчас все молча наблюдали, как Мегрэ и Межа садятся за стол и заказывают обед.

Клеенчатые куртки, полинявшие от дождя и морской воды, поражали роскошной гаммой синего. Тереза, маленькая служанка, казалась взволнованной, и, проследив за ее взглядом, Мегрэ увидел в одной из групп Марселя Эро, который пил розовое вино. Дюжий парень лет двадцати пяти, в резиновых сапогах, неуклюжий, как все окружающие, взгляд спокойный, движения неторопливые.

Шумные разговоры стихли. Мужчины повернулись к Мегрэ. Потом хлебнули из стаканов, утерли рты и заговорили о чем попало — лишь бы прервать тягостное молчание. Начал какой-то старик, его поддержал другой.

— Пора и домой, обедать! А то жена ругаться

будет.

Мегрэ остался почти один; он сидел, облокотившись на стол и подперев подбородок ладонью. Тереза подошла и спросила:

— Любите муклад?

— А что это такое?

— Мидии в сметане. Местное блюдо.

— Терпеть не могу сметану, — заявил Межа.

Когда она удалилась, подошел Марсель. Пододвинул стул с соломенным сиденьем, сел на него верхом и притронулся к козырьку фуражки.

— Можно поговорить с вами, господин комиссар?

Это прозвучало не смиренно, но и не вызывающе. Парень чувствовал себя вполне непринужденно.

— Откуда вы знаете, что я комиссар?

— Говорят… Когда мы вернулись с моря, пошли разговоры…

В углу сидели два рыбака и прислушивались издали к их беседе. На кухне раздавался звон тарелок.

— Правда, что в доме судьи убили человека?

Межа под столом толкнул Мегрэ коленом. Тот с набитым ртом поднял голову и спокойно посмотрел на собеседника; парень выдержал его взгляд.

— Правда.

— В чулане для фруктов?

На верхней губе у Марселя заблестели капельки пота.

— А вы знаете этот чулан?

Парень не ответил, бросив взгляд на Терезу, которая подошла с дымящимся мукладом.

— В какой это было день?

— Сначала сами ответьте мне на один вопрос. В котором часу вы вернулись домой прошлой ночью? Вы ведь живете с матерью, верно?

— Альбер что-нибудь сказал?

— Вопрос задал я.

— Около полуночи.

— Вы всегда уходите из дома судьи так поздно?

Снова взгляд, на этот раз в сторону кухни, где только что скрылась Тереза.

— По-разному…

Жаль, что разговор произошел в тот миг, когда Мегрэ был занят превосходным мукладом. Он пытался сообразить, что у муклада за привкус? Чуть пряный… Немного похоже на дичь…

— А во вторник? — поинтересовался он.

— Во вторник я там не был.

Мегрэ нахмурился, замер на секунду с отсутствующим взглядом и вдруг торжествующе

выпалил:

— Кэрри[1]! Держу пари на что угодно, что здесь есть кэрри!

— Вы мне не верите?

— Насчет вторника? Понятия не имею, старина. По-вашему, я обязан уже все знать?

— Я готов поклясться…

Несомненно, Мегрэ очень хотелось поверить и ему тоже, как хотелось поверить судье. Как безотчетно он уже поверил Альберу.

Тем не менее труп не пришел в дом судьи сам!

---

[1] Примечания: 1

Приправа из куркумового корня, чеснока и разных пряностей (*англ.*).

Глава 4
Под оком Республики

В конечном счете Мегрэ не на что было жаловаться. Все шло хорошо, даже прекрасно, и господин Бурдейль-Жамине соизволил-таки выдавить несколько вялых звуков, которые должны были означать поздравления.

Помещение мэрии выбрал Мегрэ: в жандармерии было слишком мрачно, пахло старой кожей, супом из капусты и казармой. В просторном зале мэрии свежеоштукатуренные стены сияли белизной. В углу висел флаг, на камине стоял бюст Республики, на зеленом сукне стола лежала стопка регистрационных книг.

Стали съезжаться люди из прокуратуры: первым приехал прокурор, господин Бурдейль-Жамине, настолько высокий, что, казалось, его взгляд не достигает земли; следом — его заместитель; потом следователь, имени которого Мегрэ не разобрал; за ними — письмоводитель, судебный врач и лейтенант жандармерии. Из Люсона прибыл целый отряд жандармов, которые сочли за благо так перегородить улицу, что зеваки за-

прудили бы ее даже в том случае, если бы до них неведомо как не дошли слухи о чьем-то трупе.

Его уже привезли; он лежал во дворе, так как судебный врач попросил разрешения работать на воздухе. Чтобы было на чем сидеть, притащили козлы, на которые положили доски. Наконец явился чрезвычайно взволнованный доктор Бренеоль. Он приходился прокурору дальней родней. Они учтиво раскланялись и заговорили о завещании какой-то троюродной сестры.

Все курили. За застекленной дверью находился зал для торжеств; там еще висели бумажные гирлянды, а вдоль стен стояли скамьи для мамаш.

— Прошу прощения, господа. Дорогой коллега, могу я вас попросить?

Врачи во дворе. Должностные лица — в зале, письмоводитель — перед ворохом бумаг. Что же до мэра, тот с важным видом стоял на пороге и беседовал с сержантом жандармерии. Все были настолько далеки от разыгравшейся трагедии, что в какой-то момент Мегрэ подумал, да собираются ли здесь приступить к делу? Следователь рассказывал, как он прошлой зимой охотился на уток на Эгюийонской косе.

— Давайте хоть мы с вами начнем, — обратился Мегрэ к письмоводителю.

Он диктовал совсем тихо, чтобы не мешать чиновникам. Что нового произошло с утра? В общем-то ничего; вот только Тереза опознала человека, приехавшего во вторник на автобусе. Водитель автобуса тоже его опознал, однако не мог вспомнить, где тот сел — в Люсоне или Триэзе. Фотографии были разосланы во всех направлениях, розданы всем жандармам. Их предъявляли содержателям трактиров и гостиниц. Они появятся в завтрашних газетах. Короче, все по заведенному порядку.

— Вы проводите отличное расследование, комиссар, — ласково произнес следователь, словно выставляя Мегрэ хорошую оценку.

С брезгливым видом вернулись доктора и отправились мыть руки к умывальнику, находившемуся за мэрией. Тупое орудие, как и предполагалось. Удар чрезвычайно сильный. Перелом основания черепа. Осмотр внутренних органов будет произведен позже.

Здоровье у парня было отменное. Немного увеличена печень. Явно любил хорошо поесть.

— Убежден, господин прокурор, что мой друг Форлакруа, с которым я в тот вечер играл в бридж, не причастен к преступлению…

— А не проследовать ли нам, господа?..

Они отправились пешком: на такое расстояние ехать в машине нет смысла. За ними двинулась вся деревня. Ослепительно сияло солнце.

— Вы первый, господин прокурор.

Старая Элиза, не дожидаясь звонка, открыла дверь и впустила посетителей. Судья Форлакруа скромно держался в углу большой комнаты, и каждый из вошедших в смятении решал вопрос, следует ли поздороваться с ним, пожать ему руку.

— Ключи от комнат в замках, господа.

Мегрэ увидел сидящую в кресле девушку — Лиз; она удивленно таращилась на них, и прядь ее рыжих волос горела в луче заходящего солнца. Вот тебе на! Ночью он не заметил, что она рыжая, огненно-рыжая.

— Не будете ли добры показать нам дорогу, комиссар? — вздохнул прокурор: светский человек, он как бы извинялся за вторжение и старался поскорей со всем этим покончить.

— Сюда… Это спальня дочки. Спальня судьи дальше по коридору… А вот кладовка для фруктов…

Шесть человек в пальто и шляпах осматриваются, наклоняются, трогают, покачивают головами.

— В этом шкафу хранятся инструменты. Вот

молоток, которым мог бы воспользоваться убийца, но я не заметил на нем никаких отпечатков пальцев…

— Действовал в перчатках? — уронил с высоты своего роста прокурор с таким видом, словно никому другому это и в голову не могло прийти.

Все это было похоже на спешную распродажу в частном доме. Заглянут ли они в спальню судьи? Мегрэ распахнул дверь. Спальня была не очень большая, меблирована скромно, но со вкусом. И здесь то же сочетание изысканности с чуть ли не деревенской простотой.

Инспектор Межа остался на улице. Мегрэ поручил ему понаблюдать за зеваками, проследить за реакцией кое-кого из жителей деревни и послушать разговоры. Дидина стоит там в первом ряду, возмущенная, что ее, которая все обнаружила, оставили в толпе.

Следователь и прокурор тихо переговариваются в углу. Прокурор кивнул и подошел к Мегрэ.

— Мне сказали, что вы хотите, по крайней мере в ближайшие два-три дня, оставить его на свободе… Не знаю, право, не знаю: как-никак обнаружен труп… Впрочем, если вы берете ответственность на себя… Ваша репутация… Вам оставят постановление на арест… Может быть,

лучше без даты, как вы полагаете? — И он, довольный, сощурился, что должно было означать улыбку. — Ну что ж, господа…

Все потянулись к выходу. Дело сделано. Доктор Бренеоль извинился и сказал, что останется со своим другом Форлакруа. Остальные пошли к машине. Приподнятые шляпы, рукопожатия.

Мегрэ облегченно вздохнул. Наконец-то он может заняться расследованием.

Она, поджав губы, недовольная, стояла перед ним.

— Если захотите повидаться со мной, я, может быть, сумею вам кое-что сообщить.

— Разумеется, мадам Дидина! И вот что… Сегодня, чуть позже, я зайду к вам.

Стянув потуже шаль на груди, она удалилась. Люди стояли группками и пялились на Мегрэ. За ним шла толпа мальчишек, один из них передразнивал грузную походку комиссара.

Маленький мирок вновь замкнулся в себе. Формальности завершены, судейские уехали, деревня снова живет своей жизнью, но теперь в эту жизнь вторгся Мегрэ. Не стоит разгонять мальчишек. Скоро они к нему привыкнут.

Мегрэ заметил мэра, стоящего на пороге своего дома, и подошел поздороваться с ним.

— Я как раз подумал, господин комиссар… Вам, очевидно, нужно работать… Если хотите, я дам вам ключ от мэрии…

Превосходная мысль! Свежеоштукатуренная комната выглядела чрезвычайно симпатично, и Мегрэ немедленно отправился туда — осмотреться, обвыкнуться, устроиться поудобней. Справа печка. Надо будет сказать, чтобы ее затапливали и поддерживали огонь с самого утра. А вот прекрасное место для трубки и табака. Окно выходит во двор, в центре которого растет липа, за воротами улица, ведущая к морю.

Кто это так торопится? А! Межа. Запыхавшись, он врывается в мэрию.

— Слушайте, шеф! Похоже, у меня новость… Марсель Эро…

— Ну, ну?

— Я прислушался, о чем говорят люди в толпе. Так вот, кажется, сразу после разговора с вами он ушел на своей лодке. Она у него с мотором. Люди видели, как он плыл по заливу в сторону Пон-дю-Бро. Но в той стороне ему сейчас нечего делать: еще не прилив.

На столе стоял телефон. Мегрэ снял трубку.

— Алло, мадемуазель! В Пон-дю-Бро у кого-нибудь есть телефон?.. Ах, там всего один дом…

Гостиница?.. Будьте добры, соедините меня с ней... Да, это комиссар Мегрэ. Я в мэрии и буду теперь часто беспокоить вас. — Мегрэ глянул на тусклую желтоватую лампочку. — Межа, попроси потом лампу на сто свечей... Алло! Это гостиница в Пон-дю-Бро?.. Сударыня, я хотел бы кое о чем вас спросить... Нет, нет, это не торговец пивом!.. Вы не видели сегодня утром небольшую лодку с мотором?.. Да, из Эгюийона... Говорите, она причалила около вас... Велосипед?.. Алло! Не разъединяйте!.. Он выпил у вас стакан вина? А вы не знаете, куда он направился?.. Ах, в сторону Марана... Благодарю, сударыня... Да... Если вернется? Закажите срочный разговор с Эгюийонской мэрией...

Мегрэ бросился к двери: в сумерках он заметил лейтенанта жандармерии, который собирался обратно в Люсон.

— Лейтенант, загляните на минутку. Надеюсь, вам знаком Пон-дю-Бро? Что он собой представляет?

— Это туда дальше, в болотах... От залива в Маран ведет канал длиной километров десять. В радиусе трех километров там нет, пожалуй, никакого жилья.

— Не могли бы вы с вашими людьми проче-

сать этот район? Мне нужно разыскать некоего Марселя Эро, детину ростом примерно метр восемьдесят. По виду — типичный рыбак, красивый парень, так что не заметить трудно. Он уплыл отсюда на своей лодке, оставил ее пришвартованной в дю-Бро у гостиницы и увел там велосипед…

— Вы думаете, что…

— Думать еще рано, лейтенант. Так я могу рассчитывать на вас?

Когда пойти к Дидине — до ужина или после? Мегрэ решил — до. Опускалась ночь. От причала доносилось поскрипывание блоков, в небе столкнулись лучи двух маяков.

По стене домика вьется корявая виноградная лоза, двери и ставни покрашены в зеленый цвет.

— Входите, господин комиссар. Я все думаю — была вам от меня польза или нет?

С плетеного кресла спрыгнула кошка. Юло поднялся со стула и уважительно вынул изо рта длинную пенковую трубку:

— Присаживайтесь, господин комиссар. Выпьете стаканчик вина? Жюстен! Принеси из буфета стаканы.

Дидина приняла стаканы и протерла. В комнате стоял стол, покрытый клеенкой, в углу

— высоченная кровать, а на ней красная перина неимоверной толщины.

— Подай комиссару стул… Видите, из-за этой истории я даже про печку забыла. Можете не снимать шляпу…

Дидина трещала без умолку, но чувствовалось, что думает она о чем-то другом и прекрасно знает, чего хочет. Она была взволнована. Руки у нее дрожали, и это ее смущало. Но Мегрэ не спешил прийти на помощь, и потому она внезапно выпалила:

— Вы нашли ребенка?

Вот как! В деле, оказывается, замешан еще и ребенок?

— Я подумала, что об этом вам не расскажут. Люди у нас не слишком разговорчивые, особенно с чужаками. Нет, через некоторое время, когда они к вам привыкнут… Но я-то на вашей стороне, и только что говорила об этом Юло. Я видела, как вы расспрашивали Терезу…

Как она могла это видеть? Она что, подглядывала за комиссаром из-за занавесок? А ведь с нее станется! Видимо, они с мужем ходили по пятам за Мегрэ и теперь в курсе всех его действий.

— Понимаете, старикам вроде нас нечего делать, но зато у них есть время поразмышлять. Еще

стаканчик? Разумеется! Это еще никому не вредило… А тебе, Жюстен, хватит. Ты же знаешь: вино плохо на тебя действует. — И Дидина отодвинула от супруга бутылку. — Сколько лет вы дали бы Терезе? Выглядит совсем молоденькой, хотя ей наверняка двадцать три стукнуло. А может, и все двадцать четыре, меня бы это нисколько не удивило. Уже в шестнадцать она бегала за Марселем. Да, да! Я видела, как она с вами разговаривала. Ну, ему-то при его росте да при его богатстве — как-никак два дома, устричные отмели и не только это — не составляет труда найти себе девушку. А кто такая Тереза? Ее мать летом ходит по дачам на том берегу пролива, торгует вразнос устрицами и мидиями. Впрочем, она-таки добилась своего! Три года назад все заметили, что Тереза начала толстеть. Но у здешних своя гордость! Она уехала — якобы в город в услужение нанялась. А вернулась через несколько месяцев, снова стала худенькой, можете мне поверить! Я-то знаю, куда она каждый месяц ездит, когда два выходных берет. В Люсон. Она там отдала ребенка на воспитание в семью стрелочника. Ну, что вы обо всем этом думаете?

Увы, Мегрэ еще ничего обо всем этом не думал. Тереза и Марсель… Интересно! Тереза держит

его…

— Заметьте, это было три года назад! А потом Марсель стал ходить по ночам в дом к судье. Про это-то, похоже, вы уже знаете… До него там бывали другие. А может, и после… Но я вот что вам скажу: Марсель — он не такой, как все. Другие просто пользовались случаем. Сами понимаете, мужчины они мужчины и есть… — И Дидина многозначительно глянула на своего таможенника, который ответил ей взглядом невинного младенца. — Марсель, я убеждена, любит ее, и голову даю на отсечение, что если бы мог, женился на ней, даром что она не такая, как другие. А теперь представьте, что Тереза вызвала из Люсона какого-нибудь своего дружка, парня, который способен отомстить за нее. Он без труда проникает в дом судьи. Посмотрите-ка сюда. Сейчас темно, но террасу можно различить… Любой свободно на нее влезет. А оттуда по карнизу проберется в кладовку для фруктов, благо ее окно почти всегда открыто. Судья напрасно запирает дочку на ключ: это все равно что пытаться удержать воду в горсти…

Мегрэ вздрогнул, внезапно отдав себе отчет в ходе своих мыслей. Уже несколько секунд голос Дидины превратился как бы в фон, а комиссар

благополучно предавался созерцанию каких-то невероятных картин, пока еще туманных. Но если бы он не обратил на них внимания?

«…без труда проникает в дом судьи…» Он снова увидел старую Дидину в своем люсонском кабинете, услышал ее отчетливый голос, осознал ту невероятную точность, с какой она описывала трагедию, которой тем не менее своими глазами не видела.

А какая безукоризненность рассуждений! Какое тщательное определение времени прилива! Да, такой работой мог бы гордиться профессиональный полицейский. А как они вдвоем следили за домом — один на задах, другой со стороны фасада. И этот морской бинокль…

Нет, это все-таки невероятно. Достаточно отвлечься от этих мыслей и посмотреть вокруг — на эту бедную крестьянскую комнату, кровать, перину, дешевые стаканы на клеенке, белый чепец Дидины…

— Значит, вы не были знакомы с судьей до того, как он поселился здесь?

В яблочко! Мегрэ был уверен в этом. Дидина потрясена, хоть почти не подала виду, только чуть дрогнуло лицо.

— Все зависит от того, что вы под этим пони-

маете… Я знаю его с детства. Я родилась в доме напротив мэрии. А судья наезжал сюда к своему кузену на каникулы. Когда кузен умер, он унаследовал его дом.

— А после женитьбы он продолжал наезжать сюда?

— Не каждый год, — последовал неожиданно лаконичный ответ.

— Вы знали его жену?

— Видела, как все. Красивая женщина.

— Если не ошибаюсь, вы с Форлакруа ровесники?

— Я на год младше.

— Итак, вы с мужем уехали в Конкарно, а он поселился в Версале. А когда вы вернулись в Эгюийон, он уже жил в этом доме и был вдовцом…

— Он не вдовец, — отрезала Дидина.

Мегрэ, можно сказать, подскочил на своем плетеном кресле, и оно жалобно заскрипело.

— Он не овдовел: жена ушла от него.

— Вы уверены в этом?

— Знаю только, что еще месяц назад он не был вдовцом, и убедилась в этом собственными глазами. Жена его вышла из машины и позвонила в дверь. Несколько минут они стояли в коридоре, а потом она снова уехала.

Мегрэ буквально ждал, что сейчас она сообщит номер машины. Но это было бы уж слишком здорово!

— Вы сами виноваты, что до сих пор не узнали про это. Надо было не по деревне бегать, а повидаться со мной и потолковать с моим мужем. Теперь-то я могу вам сообщить… Судья страшно расстроился. Правда, Жюстен? Комиссару можно сказать… Он способен оценить правдивых людей, которым не в чем себя упрекнуть и незачем держать рот на замке. Допивайте, господин комиссар… Что еще вы хотите узнать? Я ведь не до конца размотала свой клубок и могу рассказывать хоть до завтра. Мне нужно только припомнить…

Нет, хватит! Даже чересчур! Эта тощая старуха дьявольски проницательна.

— Ну, а, скажем, этот доктор… Не знаю, известно ли вам, что он ближайший друг судьи? Видели его жену? Высокая брюнетка, очень мажется, одевается вызывающе. У нее есть дочь от первого брака. Вот уж кого не назовешь красавицей… Тем не менее доктор Бренеоль потерял из-за нее голову и без конца раскатывает с ней в машине, разумеется, без жены. Они стараются уезжать как можно дальше отсюда, однако кое-кто из

здешних — и я могу назвать вам, кто — видел, как они выходили в Ла-Рошели из гостиницы…

Мегрэ уже стоял, утомленный, как после долгой прогулки пешком.

— Я обязательно загляну к вам еще. Благодарю.

Видимо, Дидина решила, что теперь они в некотором роде сообщники; поэтому она протянула Мегрэ руку и знаком велела мужу сделать то же самое.

— Не стесняйтесь, заходите. А главное, не сомневайтесь: все, что я рассказала, чистая правда.

В доме судьи светилось только одно окно — в комнате Лиз. Неужто уже легла? Мегрэ обогнул дом. Час поздний, и служанки ушли. Сейчас во всем доме только они двое…

Комиссар вошел в ставший уже привычным зал гостиницы «Порт», и его поразил взгляд, брошенный на него Терезой. Да, девушка и вправду встревожена. Уж не пытается ли она прочесть по его лицу, есть ли какие-нибудь новости?

— Скажите, Тереза, вы знали, что Марсель собирается отправиться в Маран?

— В Маран? — переспросила Тереза. Было видно, что она начеку и боится выдать себя.

— Вы с ним в хороших отношениях, и я подумал, может быть, он вам сказал…

— Он не обязан отчитываться передо мной.

— Что у вас сегодня?

— Суп, камбала, а если хотите, свиная котлета с капустой.

— Межа, за стол!

У Межа были новости. Фотографию убитого предъявили всем хозяевам люсонских гостиниц: ни в одной он не останавливался. Надо ждать. Главным образом выхода газет.

— Шеф, вам не хочется спать?

— Сейчас поем, сразу завалюсь и собираюсь проспать до восьми утра.

Мегрэ проголодался. Ни о чем не думая, он поглядывал на Терезу. Внешность заурядная, здоровье не самое лучшее. Обычная гостиничная служаночка в черном платье, черных чулках и белом переднике, на которую и внимания-то не обращаешь. В зале пусто. Мужчины сидят по домам, едят суп и только после ужина заглянут на часок в кафе.

Телефонный звонок. Аппарат стоит под лестницей. Тереза снимает трубку.

— Алло!.. Да… А что ты…

— Это не меня? — спросил Мегрэ.

Тереза продолжала разговор.

— Да… Да… Не знаю. Ничего не говорят.

— Что там такое? — обеспокоенно крикнул из кухни хозяин.

— Ничего. Это меня, — поспешно положив трубку, ответила Тереза. Мегрэ уже был у телефона.

— Алло! Это комиссар Мегрэ — мадемуазель, вы не могли бы мне сказать, откуда только что звонили?.. Как? Из Марана? Узнайте номер и сообщите мне.

Мегрэ вернулся за стол. Тереза, бледная как мел, молча обслуживала его. Немного спустя телефон снова зазвонил.

— Из кафе? Кафе Артюра?.. Соедините меня, пожалуйста с жандармерией в Маране… Алло! Бригадир?.. Это комиссар Мегрэ. Быстро в кафе Артюра! Знаете такое?.. Тем лучше. Оттуда только что позвонил человек. Некий Марсель Эро. Доставьте его в жандармерию и доложите мне об исполнении.

В зале повисло тяжелое молчание. Котлеты с капустой. Тереза входит, выходит, не глядя в лицо Мегрэ. Через полчаса снова звонок.

— Алло!.. Да… Ага!.. Нет… Ждите распоряжений. Все. Отбой. — Тереза не смеет даже взглянуть на Мегрэ, который повернувшись спиной к залу, стоит под лестницей. А комиссар, нажав на рычаг телефонного аппарата, продолжает говорить в

трубку: — Он ранен?.. Все равно препроводите его в люсонскую тюрьму... Благодарю... Доброй ночи, бригадир.

Мегрэ неспешно возвратился к столу и, размышляя, не заказать ли еще сыра, подмигнул Межа, а потом, когда Тереза ушла в кухню, шепнул:

— Парень смылся, как только позвонил. Хотелось бы мне знать, что он ей сказал...

Глава 5
Человек, которому хочется в тюрьму

Не слишком ли он жесток? Тереза возненавидела его, это ясно. Временами она смотрит на него так мрачно, что Мегрэ не может удержаться от улыбки, и несчастная служанка в растерянности не знает: то ли вцепиться ему ногтями в лицо, то ли в свой черед улыбнуться.

Больше часу он держал ее, как рыбу на крючке. Что бы она ни делала — стояла в зале, выходила в кухню, пыталась, присев за стол, проглотить ложку супа, подходила на зов клиента, она все время встречалась с безмятежным взглядом Мегрэ. А может, ее просто притягивал этот взгляд? Вдруг этот толстяк, мирно посасывающий трубку и рассеянно поглядывающий на зал, вовсе не враг, а друг?

Она кидалась из крайности в крайность, от непомерной нервозности к раздражительности или к преувеличенной предупредительности. Убрав со стола, впервые спросила:

— Что будете пить?

Но, принеся кальвадос, не выдержала и выскочила в коридор. А когда вошла снова, сморкалась, и глаза у нее были красные.

Четверо посетителей играли в карты, и, обслуживая их, Тереза, разбила стакан. В кухне встала из-за стола, так ничего и не съев. Наконец, о чем-то заговорила с хозяйкой. Мегрэ не слышал слов, но по поведению Терезы догадался, о чем идет речь. Она прикидывалась, будто плохо себя чувствует, смотрела в потолок. Хозяйка пожала плечами.

— Иди, девочка!

Тереза сняла фартук, оглянулась, не идет ли кто за ней, и бросила многозначительный взгляд на Мегрэ.

— Межа, прогуляйся перед сном и посмотри, наблюдает ли жандарм за домом судьи и за черным ходом. А второй должен дежурить около дома Форлакруа-сына.

Мегрэ встал из-за стола и поднялся по узкой лестнице, задевая за перила и стену. Эта часть дома была выстроена совсем недавно. Дерево еще не потемнело, стены были только что побелены, и Мегрэ испачкал костюм известкой.

Он вошел к себе в номер, но дверь оставил открытой. Через несколько минут, удивленный,

чуть ли не раздосадованный, выглянул в коридор и улыбнулся.

Внизу посетители будут сидеть еще часа два. Ну, а если Межа, услышав в комнате служанки голос комиссара, что-нибудь подумает, тем хуже для него. Мегрэ вошел к Терезе. Она стояла, ожидая его. Волосы, обычно собранные в пучок на затылке, она распустила, темная их масса обрамляла лицо, и от этого ее черты стали казаться тоньше, но острее, зато взгляд стал менее открытым.

Присев на край железной кровати, Мегрэ смотрел на Терезу, и она, не выдержав, заговорила первой:

— Уверяю вас, вы делаете ошибку, преследуя Марселя. Я знаю его лучше, чем кто другой… — Она, как актер, искала правильный тон, но не находила. — Вот доказательство: этим летом мы должны пожениться.

— Из-за ребенка?

— Из-за ребенка и вообще, — нисколько не удивившись, ответила она. — Мы любим друг друга. Разве в этом есть что-нибудь необычное?

— Не совсем обычно то, что вы собрались урегулировать ваши отношения, когда ребенку исполнилось три года. Посмотрите-ка на меня, Тереза… Вранье, поверьте мне, не принесет вам

никакой пользы. О чем Марсель спросил вас по телефону?

Она впилась в него взглядом, вздохнула.

— Наверно, я делаю глупость… Он спрашивал, нашли ли в карманах записку.

— В чьих карманах?

— Убитого, конечно.

— На этот вопрос вы ответили «нет»?

— Я подумала, если бы нашли что-нибудь важное, я бы слышала… Но Марсель спрашивал вовсе не потому, что он убил. Я же говорю, мы собирались пожениться…

— Тем не менее он каждую ночь лазил в спальню Лиз Форлакруа…

— Он ее не любит!

— Оригинальный способ не любить.

— Ну, вы же знаете, какие мужчины… Это не любовь, это совсем другое. Он мне сам часто говорил… Это у него порочная привычка, и он мне клялся, что избавится от нее…

— Неправда!

Тереза вздрогнула, голос у нее изменился, стал резким, вульгарным.

— А по какому праву вы говорите, что это неправда? Может, были там? Может, неправда, что я видела, как он выходил из дома судьи не

через окно, а через дверь? И что судья с ним вежливо прощался? И что был в курсе всего? И кого вообще в этом деле можно назвать порядочной а кого нет? Да, я родила ребенка. Но я не заманиваю к себе в комнату мужчин…

— Стоп! Стоп! Когда вы видели Марселя с судьей?

— С месяц назад. Погодите… Перед самым Рождеством.

— И вы говорите, вид у них был такой, словно они понимают друг друга? А что ответил Марсель, когда вы потребовали у него объяснений?

Сейчас она соврет. Это было ясно по тому, как дрогнули у нее крылья носа.

— Он сказал, чтобы я не беспокоилась… что все будет хорошо… что меньше чем через полгода мы поженимся и поселимся на другой стороне пролива в Шарроне, чтобы не видеть больше здешних… Понимаете, он меня любит! Зачем ему убивать человека, которого он даже не знает?

Шаги на лестнице, в коридоре. Скрипнула дверь. Это пришел Межа. Насвистывает, раздевается.

— Тереза, вы больше ничего не хотите мне сказать? Подумайте. В ваших словах лжи столько же, сколько правды. Из-за вранья мне трудно быть

признательным вам за сказанную правду.

Мегрэ поднялся. В этой комнатке он выглядел слишком высоким и грузным. И вдруг, когда он меньше всего ждал этого, Тереза кинулась к нему на грудь и разрыдалась.

— Ну! Ну! — успокаивал он ее, как ребенка. — Ничего страшного. Расскажите, что у вас на душе.

Тереза всхлипывала так громко, что Межа выглянул из номера.

— Успокойтесь… Этак вы весь дом поднимете. Вы не хотите сейчас говорить? — Пряча лицо на груди Мегрэ, она затрясла головой.

— Зря. А впрочем… Ложитесь-ка в постель. Хотите, я дам вам снотворное, от которого вы сразу заснете? — Она кивнула, совсем по-детски. Мегрэ накапал в стакан снотворного, плеснул воды. — Утром все будет хорошо.

Все еще всхлипывая, она пила, а комиссар воспользовался этим и, пятясь, ретировался из комнатки.

— Уф-ф! — облегченно вздохнул он, когда наконец улегся на кровать, которая, как и комнатка Терезы, была для него маловата.

Утро было солнечное и морозное. У Терезы, подававшей Мегрэ завтрак, вид был совершен-

но непримиримый. Межа раздобыл у местного парикмахера бриллиантин и невыносимо благоухал.

Мегрэ прогуливался, засунув руки в карманы и любуясь возвращающимися сборщиками раковин, корзинами, полными мидий, зеленовато-синим морем вдали, мостом, по которому ему так и не удалось пройти до конца. За мостом виднелись недостроенное здание водолечебницы и разбросанные среди сосен недорогие дачи.

У дома судьи топтался жандарм. Ставни в доме были уже открыты. Все вместе выглядело очень симпатично, и Мегрэ начал привыкать к этому крохотному мирку. Кое-кто из местных уже здоровался с ним, остальные провожали недоверчивым взглядом. Мегрэ встретил мэра, который грузил мидии на грузовик.

— На ваше имя пришло несколько телеграмм. Я положил их на стол в мэрии. Лейтенант жандармерии, наверно, уже вас ждет.

Да, время. Мегрэ долго прохлаждался. Однако, направляясь к мэрии, шагу он не прибавил; еще недавно, в периоды затишья, он все так же неспешно ходил через квартал Сент-Антуан и остров Сен-Луи на набережную дез Орфевр.

Гипсовая республика стояла на своем месте.

Кому-то, очевидно мэру, пришла в голову деликатная мысль поставить на стол запечатанную бутылку белого вина и стаканы.

Лейтенант жандармерии вошел вместе с Мегрэ. Комиссар снял пальто, шляпу и собрался было задать лейтенанту вопрос, но замолчал, приятно пораженный неожиданным взрывом детских криков. Оказывается, под окна мэрии на солнце высыпали школьники: у них была перемена. Доносился приглушенный стук сабо: ребята катались по замерзшим лужам. Пестрели красные, синие, зеленые шарфы, капюшоны, платки.

— Слушаю, лейтенант. Что там с Марселем Эро?

— Пока еще не разыскали. Болото очень уж большое. Приходится проверять все хижины. К одним в эту пору труднопроходимы дороги, к другим можно добраться только на лодке.

— У судьи как?

— Все тихо. Никто не выходил, никто не входил, кроме двух служанок сегодня утром.

— А Альбер Форлакруа?

— Утром, как обычно, вышел в море. Один из моих людей не спускает с него глаз… Тем более, что Альбер известен своей вспыльчивостью и может прийти в ярость из-за любого пустяка.

Уж не рисуется ли комиссар? Прижался спиной к печке, греется, посасывает трубку, а на столе лежат только что полученные телеграммы… А может, это привычка все делать по очереди: он сперва покончит с эгюийонскими делами, а уже потом поинтересуется, что происходит в других местах?

Первая телеграмма, как в насмешку, была от г-жи Мегрэ.

«Послала автобусом чемодан бельем одеждой на смену жду известий целую»

— Когда приходит автобус?

— Через несколько минут.

— Будьте добры, получите чемодан, присланный на мое имя, и распорядитесь доставить его в гостиницу.

Вторая телеграмма, гораздо длиннее, послана из Нанта.

«Комиссару Мегрэ опербригада Нант тчк Неизвестный обнаруженный Эгюийоне идентифицирован тчк Это доктор Жанен 35 лет проживает Нанте улице дез Эглиз тчк Вышел дому вторник 11 января без вещей тчк Расследование продолжа-

ется тчк Получении дополнительных сведений звоните».

Возвратился лейтенант. Мегрэ протянул ему телеграмму, равнодушно заметив:

— Выглядит он старше своих лет.

Затем он покрутил ручку телефона, вежливо поздоровался с телефонисткой и попросил соединить его с опербригадой в Нанте.

Ну вот, пошла обычная традиционная работа. Посмотрим! Третья телеграмма из Версаля, ответ на телеграфный запрос Мегрэ.

«Последним сведениям супруга Форлакруа урожденная Валентина Константинеску проживает Ницце улица Командан-Маршан вилла Серые скалы»

— Алло! Нантская опербригада?.. Это Мегрэ… Давайте-ка мне его… Гийом?.. Да, старина… Все нормально… Быстро вы сработали… Слушаю…

Мегрэ никогда ничего не записывает. А если перед ним лежит бумага и в руках он держит автокарандаш, это означает, что он рисует всякие каракули, не имеющие никакого отношения к делу.

— Эмиль Жанен… Медицинский факультет

в Монпелье… Уроженец Руссильона, из скромной семьи… Интересная деталь: два года был интерном в больнице Св. Анны… Значит, сведущ в психиатрии… Ого!.. Характер достаточно независимый… Пошел корабельным врачом… Какой корабль?.. «Мститель»… Несколько лет назад «Мститель» совершил кругосветку. Вот почему у него одежда из Панамы… Все такой же независимый. Аттестуется достаточно плохо… Уволился… Поселился в Нанте и специализируется в психоанализе…

— Алло, мадемуазель!.. Будьте добры, срочный разговор с Ниццей, департамент Приморские Альпы, отделение Сюрте… Благодарю вас… Конечно, я знаю, вы делаете все, что можете, и я, прежде чем уеду, поднесу вам коробку шоколада… Ах, вы предпочитаете засахаренные каштаны? Запомнил. — И, положив трубку, Мегрэ бросил лейтенанту: — Я вот подумываю, не пора ли мне использовать постановление об аресте?

Интуиция? Мегрэ еще не договорил, как требовательно зазвонил телефон. Перемена кончилась, и ребята вернулись в классы. Нет, для Ниццы, пожалуй, еще рано.

— Комиссар Мегрэ? Минутку… С вами будет говорить прокурор господин Бурдейль-Жамине…

В трубке зазвучал далекий, как бы отрешенный от мелких повседневных забот голос высокопоставленного чиновника:

— Вы уже получили протокол опознания, не так ли? И я думаю, что в данных обстоятельствах… Я беру на себя огромную ответственность… Постановление об аресте у вас? Так вот, комиссар, я посоветовался с господином следователем и полагаю, будет благоразумней…

Вошел Межа, смирно уселся в уголке, с интересом поглядывая на бутылку вина.

— Ницца!

— Благодарю… Сюрте Насьональ?

Мегрэ в нескольких словах изложил, что ему нужно, а закончив разговор, машинально глянул на лежащую на столе бумагу: на ней был нарисован рот с пухлыми чувственными губами, как на некоторых картинах Ренуара. Комиссар тут же разорвал листок и бросил в печку.

— Думаю… — начал он, но, увидев, что через двор идет дочка старой Элизы, одна из служанок в доме судья, распорядился: — Межа, впусти!

— Письмо господину Мегрэ.

Комиссар взял его, отпустил девушку, неторопливо вскрыл конверт. Ну, за дело! Мегрэ впервые видел почерк судьи, мелкий, убористый, ровный,

может быть, несколько излишне утонченно-элегантный. Ни одна буква не вылезает над другими. Бумага строгая, но необычного качества и редко встречающегося формата.

«Господин комиссар!

Прошу простить, что пишу эту записку вместо того, чтобы прийти к Вам в мэрию или в гостиницу. Вам известно, насколько мне трудно оставить дочь без присмотра.

После нашей последней встречи я много думал и пришел к выводу, что обязан сделать Вам одно заявление.

Готов явиться по Вашему вызову, куда и когда Вам будет угодно. Но признаюсь, предпочту, хотя моя просьба может выглядеть не совсем корректной, чтобы Вы оказали мне честь и еще раз посетили меня.

Думаю, нет смысла добавлять, что я все время дома и что меня устроит любое время.

Заранее благодарю за все, что Вы сочтете необходимым сделать, и прошу принять, господин комиссар, уверения в

высочайшем к Вам уважении».

Мегрэ сунул письмо в карман, не показав его ни лейтенанту, ни Межа, хотя они с трудом скрывали любопытство.

— Когда сюда приходят газеты? — поинтересовался он.

— Вот-вот должны разносить. Их привозят вместе с почтой на автобусе, а он пришел, как раз когда вы звонили.

— Межа, не добудешь мне какую-нибудь газетку? Да заодно удостоверься, не заходил ли утром к судье кто-нибудь, кроме служанок.

Недавнее оживление покидало Мегрэ. Взгляд его становился все более хмурым. Он расхаживал по комнате, без всякой нужды переставлял на столе предметы, потом долго смотрел на телефон и наконец крутанул его ручку.

— Это снова я, мадемуазель. Чувствую, мне придется удвоить количество каштанов. Вы уже разобрали почту?.. Ах, еще не разносили… Скажите, судье Форлакруа нет писем?.. А сегодня утром он никому не звонил? Может быть, ему звонили?.. Значит, нет? А телеграмм тоже не было?.. Благодарю… Да, я все еще жду срочного разговора с Ниццей.

Межа возвратился в сопровождении трех чело-

век. Он их оставил во дворе и, войдя в комнату, сообщил:

— Журналисты.

— Вижу.

— Один из Люсона, двое из Нанта. А вот газеты.

Все газеты опубликовали фотографию убитого, но сообщения, что он уже опознан, ни в одной из них, разумеется, не было.

— А что мне сказать? — поинтересовался Межа.

— Ничего.

— Они взбесятся. Кстати, остановились они в гостинице, так что за обедом вы с ними встретитесь.

Помешивая уголь в печке, Мегрэ пожал плечами и тут же посмотрел, который час, так как увидел в окошко, что в школе кончились уроки. Что там в этой Ницце копаются? Привыкли не торопиться под своим словно вырезанным из цинка солнцем…

Мегрэ беспокоил один вопрос, и он никак не мог найти на него ответ. Почему судья написал ему письмо как раз тогда, когда установили личность убитого? Выходит, это ему известно? Но каким же образом он узнал?

Телефон… Нет, опять не Ницца… Из Марана

сообщают, что никаких следов Марселя Эро не обнаружено, но искать его продолжают по всему болоту. Прекрасно! Ага, вот и Ницца… На линии три голоса…

— Маран, положите трубку!.. Положите, черт вас возьми, трубку!.. Алло! Ницца?.. Да, Мегрэ… Значит, эта особа последние три недели не покидала Ниццу? Хорошо проверили?.. И никаких телеграмм ни вчера, ни сегодня утром не получала?.. Как?.. Не понимаю, как его фамилия?.. Луше… Ван Уше?.. Давайте по буквам!.. Значит, Виктор — В… Ага, Ван Ушен?.. Да, слушаю… Голландец… Какао… Да! Сообщите все что можете. Если меня не будет, продиктуйте моему инспектору.

И Мегрэ негромко, скорей для себя, чем для других, повторил:

— Жена судьи уже много лет живет в Ницце с неким Хорасом Ван Ушеном, богатым голландцем, сделавшим состояние на какао.

Затем Мегрэ раскупорил бутылку, выпил один-второй стакан вина, посмотрел на Межа невидящим взглядом и приказал:

— Сиди здесь, пока я не вернусь.

Трое журналистов двинулись вслед за Мегрэ, но он не обращал на них внимания. Был час аперитива, и из гостиничного кафе высыпали

посетители, чтобы посмотреть, куда направляется комиссар. А он, приветственно махнув рукой жандарму, дежурившему возле дома судьи, дернул за звонок.

— Пожалуйте сюда, — пригласила Элиза. — Господин судья ждет вас.

Все та же просторная комната, такая безмятежная, такая удобная! Мегрэ заметил, что судья беспрестанно стискивает побелевшие от напряжения пальцы.

— Присаживайтесь, господин комиссар. Но сначала снимите пальто: я вас на какое-то время задержу, а в комнате сильно натоплено… Портвейна не предлагаю: вы наверняка откажетесь.

В голосе сквозила горечь.

— Отнюдь нет!

— А не пожалеете, что пили со мной, когда я все расскажу?

Мегрэ уселся в то же кресло, где сидел в прошлый раз, вытянул ноги, набил трубку.

— Вам знаком некий доктор Жанен?

Судья порылся в памяти. Судя по всему, это не было уловкой.

— Жанен? Погодите… Нет, понятия не имею.

— Это человек, которого вы хотели бросить в море.

Судья сделал такое движение, словно хотел сказать: «Да разве об этом речь! Причем тут это?» Потом налил портвейну.

— Итак, ваше здоровье! — приподнял он рюмку. — Я ведь вас на слове не ловил… Прежде всего, мне хочется задать вам один вопрос.

Он посерьезнел. Лицо его, обрамленное светло-седыми, растрепанными, как у женщины, волосами, оживилось.

— Если случится так, что на какое-то время я лишусь возможности заботиться о дочери, можете ли вы обещать мне, как мужчина мужчине, что с ней не случится ничего дурного?

— Полагаю, что в случае… в случае, если произойдет то, чего вы опасаетесь, забота о вашей дочери будет возложена на вашу жену?

— О том, чтобы доверить девочку матери, и речи быть не может. Итак…

— Я прослежу за тем, чтобы она жила в наиболее благоприятных условиях — разумеется, в рамках закона.

— Благодарю вас.

Судья медленно допил портвейн, поднялся и достал из ящика папиросы.

— Вы курите только трубку, не правда ли? Прошу вас…

Наконец, выдохнув первое облачко дыма, он пробормотал:

— По зрелом размышлении я решил, что при сложившихся обстоятельствах мне лучше всего провести какое-то время в тюрьме.

Это было неожиданно. В ту же секунду над головами у них взлетели звуки рояля. Судья перевел взгляд на потолок. Когда он снова заговорил, голос у него от волнения стал хриплым; казалось, он еле сдерживает слезы.

— Я убил человека, комиссар.

С тротуара доносился стук подбитых гвоздями башмаков жандарма.

— Теперь вы едва ли станете допивать портвейн.

Он достал из кармана старинные золотые часы, щелкнул крышкой.

— Полдень… Мне все равно. Но вы, наверное, захотите сначала позавтракать. Не смею предлагать вам разделить со мной трапезу.

Он налил себе еще и снова сел лицом к Мегрэ перед камином, где потрескивал огонь.

Глава 6
Две англичанки из Версаля

Около часу дня жандарм, стоявший на посту перед домом судьи, забеспокоился: проходя мимо окон, он с каждым разом держался ближе к дому и пытался заглянуть внутрь.

В половине второго он прижал лицо к стеклу и окинул взглядом двоих мужчин, сидевших в креслах по обе стороны камина; их лица тонули в облаке дыма.

Из соседней комнаты послышалось звяканье вилок, сопровождаемое женскими голосами, и Мегрэ предположил, что Лиз Форлакруа, должно быть, завтракает.

Время от времени он закидывал ногу на ногу. Потом менял позу, чтобы выбить трубку о каблук. На плитках, которыми был вымощен пол, скопилось уже немало пепла. Не все ли теперь равно? Судья по привычке гасил папиросу о фарфоровую пепельницу; гора бело-коричневых окурков выглядела весьма красноречиво.

Беседа текла мирно. Мегрэ задавал вопросы, выдвигал возражения. Форлакруа отвечал, голос

его был таким же четким и безупречным, как почерк.

В четверть третьего они услышали телефонный звонок и вздрогнули: оба, казалось, начисто забыли о внешнем мире. Форлакруа бросил на комиссара вопросительный взгляд. Имеет ли он право снять трубку? Мегрэ кивнул.

— Алло! Да. Передаю трубку… Это вас, господин комиссар.

— Алло, шеф?.. Прошу прощения… Я, может быть, напрасно звоню, но мне стало как-то тревожно… У вас там ничего не стряслось?

Судья тем временем снова сел и уставился на огонь, сплетая и расплетая пальцы.

— Найди мне машину… Да, прямо сейчас… Через полчаса она должна быть здесь… Нет, ничего особенного.

И комиссар тоже сел.

Когда такси остановилось у дверей и Межа позвонил, Мегрэ в одиночестве мерил шагами большую комнату, поглощая сандвич с паштетом. На столе — почти пустая бутылка старого бургундского. Накурено было — хоть топор вешай.

Межа ошеломленно уставился на комиссара.

— Вы арестовали его? Все кончено? Я поеду с вами?

— Нет, останешься здесь.

— Что мне делать?

— Бери бумагу. Пиши: Тереза, служанка в гостинице… Юло, оба — Дидина и ее таможенник… Альбер Форлакруа… И пускай во что бы то ни стало уже разыщут наконец Марселя Эро.

— А за остальными, кого вы назвали, вести наблюдение?

Шаги на лестнице.

— Можешь идти.

Межа нехотя удалился. Вошел судья в пальто и шляпе — в высшей степени достойный, безупречный господин.

— С вашего позволения я позвоню доктору Бренеолю, справлюсь насчет клиники.

Лиз Форлакруа вместе с обеими служанками расхаживала взад и вперед по комнате наверху.

— Это вы, Бренеоль? Нет, ничего страшного… Я только хотел спросить, нет ли в окрестностях Ларош-сюр-Йон хорошей психиатрической клиники… Да… Вилла «Альберт Первый»[2]… Прямо при въезде в город? Благодарю. До свидания.

Первой к машине спустилась старуха Элиза, она несла два чемодана. Следом — ее дочь со

---

[2] Примечания: 2

Названа так в честь Альберта I, короля Бельгии с 1909 по 1934 гг., героя I мировой войны.

свертками. Наконец, появилась Лиз, утопавшая в пушистом меховом манто с поднятым воротником.

Все произошло очень быстро. Лиз с отцом расположились на заднем сиденье. Мегрэ сел рядом с шофером. Дидина, стоя на углу улицы, глазела на отъезжающих. Прохожие останавливались. Проехать пришлось вдоль всей главной улицы, мимо гостиницы, почты, мэрии. Занавески на окнах шевелились. За машиной бежали мальчишки. Комиссар видел Лиз и ее отца в зеркальце; ему показалось, что всю дорогу они держались за руки. Когда машина подъехала к Ларош-сюр-Йон, уже темнело. Пришлось несколько раз спрашивать, где находится вилла «Альберт I». Потом ждали главного врача, осматривали палаты. Все было чересчур бело, так же бело, как халаты сиделок и врача.

— Седьмая палата… Прекрасно…

В палату вошли впятером: Лиз, сиделка, Мегрэ, судья и главный врач. В коридор вышли только трое: Лиз с сиделкой осталась по ту сторону двери. Она не плакала. Отец с дочерью не поцеловались.

— Через час в коридоре начнет дежурить инспектор.

Еще три километра — и уже город — ворота тюрьмы, книга регистрации заключенных, всякие формальности. Мегрэ и судья — по чистой, конечно, случайности — не успели попрощаться.

Пивная. Толстая кассирша. Расписание поездов. Кружка свежайшего пива.

— Принесите письменные принадлежности и бутерброд с ветчиной… И еще кружку пива!

Комиссар написал официальное донесение прокурору, составил несколько телеграмм и насилу успел к поезду. С полуночи до двух прождал на вокзале Сен-Пьер.

Вокзал Орсэ… В восемь утра свежевыбритый Мегрэ уже вышел из своей квартиры на бульваре Ришар-Ленуар. Над Парижем вставало солнце. В двух шагах от уголовной полиции Мегрэ пересел с автобуса на автобус и различил издали окна своего бывшего кабинета.

В девять он вылез в Версале, освещенном лучами скупого январского солнца, и с трубкой в зубах медленно пошел по Парижской авеню.

С этой минуты он словно раздвоился; ему казалось, что он живет сразу в двух измерениях. Разумеется, он — комиссар Мегрэ, попавший в некоторую опалу и сосланный в Люсон. Руки его засунуты в карманы пальто, принадлежащего

Мегрэ, он курит трубку Мегрэ. Все, что он видит вокруг, — это действительно Версаль, причем сегодняшний, а вовсе не тот, который существовал столько-то лет тому назад. Улица безлюдна, особенно ближе к концу, там, где за пышными воротами и высокими оградами прячутся от прохожего красивейшие на свете особняки. Но все это видится ему словно на экране кино… Действительность смахивает на какой-то документальный фильм. Одни кадры сменяются другими… И в то же время слышится голос диктора, комментирующего эти кадры.

Этот глуховатый голос принадлежит судье Форлакруа, и на виды Версаля неотступно наплывает просторная комната в Эгюийоне с поленьями в камине, трубочным пеплом на плитках пола и окурками в зеленой фарфоровой вазе.

— Мы — жители Версаля в третьем поколении. Мой отец, адвокат, всю жизнь прожил в особняке на Парижской авеню, который получил в наследство от своего отца. Белая ограда… Ворота, обрамленные двумя каменными тумбами… Золоченый герб… Медная табличка, а на ней моя фамилия…

Это здесь. Мегрэ заметил дом, но ни герба, ни медной таблички уже не было. Ворота были от-

крыты. Лакей в полосатом жилете вынес ковры на тротуар, собираясь выбить из них пыль.

— Сразу за воротами — небольшой парадный двор, мощенный такими маленькими круглыми булыжниками, точь-в-точь как перед Версальским дворцом: это называется «королевская мостовая». Между булыжниками пробивается трава. Маркизы над окнами. Окна высокие, с частыми переплетами. И всюду свет. Посреди холла бронзовый фонтан, а из холла виден садик в духе Трианона: лужайка, розы… Тут родился я, родился мой отец. Тут я прожил годы, увлекаясь только литературой и искусством, заботясь разве что о комфорте да хорошем столе. Честолюбия у меня не было, я довольствовался должностью мирового судьи.

Пожалуй, здесь это легче понять, чем в Эгюийонском уединении.

— Несколько верных друзей. Поездки в Италию, в Грецию. Я был человек состоятельный. Красивая мебель, хорошие книги. Когда умер отец, мне уже стукнуло тридцать пять, но я оставался холостяком…

Как знать, быть может, в окрестных домах благоденствуют другие такие же Форлакруа, все заботы которых сводятся к тому, чтобы жить как

можно приятнее и беспечнее?

Лакей уже начал коситься на этого прохожего в толстом пальто, так пристально глазеющего на дом его хозяев. Но для визита еще, пожалуй, слишком рано.

Мегрэ медленно пошел назад, свернул направо, потом налево, читая названия улиц; наконец, остановился перед большим пятиэтажным домом, который был, казалось, набит жильцами.

— Скажите, здесь еще живет мадемуазель Доше? — спросил он у привратника.

— Да вот она сама поднимается с покупками по лестнице.

Комиссар догнал ее на втором этаже, когда она уже взялась за медную ручку двери, такой же старой, как весь дом.

— Прошу прощения, мадемуазель! Вы хозяйка этого дома, не правда ли? Я ищу одного человека, который жил здесь когда-то, лет двадцать пять тому назад.

Его собеседнице было на вид около семидесяти.

— Входите. Я только выключу на кухне газ, а то молоко подгорит.

Окна с витражами. Малиновые ковры.

— Этот человек — артист. Выдающийся музы-

кант по фамилии Константинеску.

— Помню! Он жил в квартире как раз над нами.

Значит, это правда. Снова всплыл голос судьи:

— Богема, неудавшийся гений. В молодости пользовался шумным успехом. Давал сольные концерты в Америке, по всему миру. Когда-то был женат, имел дочь; жену бросил, девочку увез с собой. В конце концов застрял в Версале, поселился в обшарпанной квартирке, стал давать уроки скрипичной игры. Как-то вечером у нас не хватало альта для домашнего концерта, и друзья притащили его ко мне.

Смущенно опустив взгляд на свои белые руки, судья добавил:

— Я немного играю на рояле.

Престарелая девица между тем продолжала:

— Он был полоумный. На него накатывали припадки дикой злобы. Бежит, бывало, по лестнице и вопит во всю глотку.

— Ну, а его дочь?

Хозяйка поджала губы:

— Ну, теперь-то она замужем. Говорят, недурную партию сделала. Ее муж судья, не так ли? Да, некоторым везет в жизни, причем далеко не самым…

Мегрэ так и не узнал, кому же все-таки везет, потому что она замолчала. Больше ему здесь нечего было разузнавать. Он знал: судья не лгал ему.

Валентина Константинеску. Восемнадцатилетняя девушка с развитыми формами, большеглазая. Каждое утро она с нотами в руках отправлялась в Париж. Училась в консерватории по классу рояля. А отец учил ее играть на скрипке.

Щуплый судья, холостяк и эпикуреец, поджидал ее на углу, шел за ней на почтительном расстоянии и садился в ту же электричку, что и она.

Парижская авеню… Лакей уже вернулся в дом, затворив за собой ворота — те самые, в которые, несколько месяцев спустя после знакомства, в белом подвенечном платье вошла Валентина. Годы счастья. Рождение сына, затем дочери. Иногда летом на несколько дней они наезжали в Эгюийон, жили в старом домишке, доставшемся по наследству.

— Уверяю вас, комиссар, не такой уж я простак. Я не принадлежу к тем, кому счастье застит глаза. Иногда я поглядывал на нее с беспокойством… Но вы меня поймете, когда увидите ее глаза — они-то не могли измениться. Ясные, невинные…

Мелодичный голос… Платья у нее были всегда светлых, прозрачных тонов, голубые, цвета морской волны, и вся она была точно рисунок пастелью. Я запрещал себе думать, почему сын у нас получился такой коренастый, жилистый, волосатый — сущий крестьянин. А дочка была похожа на мать. Позже я узнал, что папаша Константинеску, который без конца шнырял по дому, знал все. Погодите… К тому времени, о котором я вам расскажу, Альберу исполнилось двенадцать, Лиз восемь. К четырем часам я собирался в концерт вместе с другом, автором нескольких исследований по истории музыки. Но он слег с бронхитом. Я вернулся домой. Вы, может быть, увидите наш дом? В воротах есть небольшая калитка — у меня был от нее ключ. Вместо того чтобы пройти через холл, я поднялся по лесенке справа от фасада, которая ведет прямо на второй этаж, где расположены спальни. Собирался пригласить жену пойти со мной в концерт…

Мегрэ потянул за медный шар, раздался звон массивного колокола, похожего на монастырский. Шаги. Удивленный лакей.

— Доложите, пожалуйста, что я хотел бы побеседовать с обитателями этого дома.

— Вы к которой из хозяек?

— К любой.

В ту же минуту он заметил в окне первого этажа двух женщин в пеньюарах кричащей расцветки. Одна курила папиросу с длинным мундштуком, другая — крошечную трубочку, при виде которой Мегрэ не мог удержаться от улыбки.

— В чем дело, Жан?

Явственный английский акцент. Обеим дамам можно было дать от сорока до пятидесяти. В комнате, обставленной как ателье — у Форлакруа здесь, наверное, была гостиная, — повсюду виднелись мольберты, холсты в духе самого крайнего модернизма, бокалы, бутылки, африканские и китайские безделушки, словом, всевозможный хлам, от которого веяло Монпарнасом. Мегрэ протянул свою визитную карточку.

— Входите, господин комиссар. Мы ничем не провинились, не правда ли? Это госпожа Перкинс, моя подруга. А меня зовут Энджелина Доддс. К кому же из нас вы имеете претензии?

Сказано весьма приветливо, и не без юмора.

— Позвольте спросить, как давно вы живете в этом особняке?

— Уже семь лет. Перед нами тут жил старик сенатор, он умер. А до него — судья, так нам сказали…

Жаль, что старый сенатор умер! При нем этот дом вряд ли сильно изменился, тем более что Форлакруа продал ему обстановку и многие мелочи. А теперь здесь китайский диван, красный с золотом, весь в драконах, спорит с изысканнейшим трюмо эпохи Людовика XVI.

Впрочем, чего и ждать от этих двух англичанок, оригиналок, явно помешанных на живописи, привлеченных обаянием и уютом Версаля…

— У вас есть садовник?

— Разумеется! А в чем дело?

— Не могли бы вы распорядиться, чтобы меня проводили в сад, или проводить меня сами?

Они пошли с ним обе: им было любопытно. Сад и теперь притязал на то, чтобы выглядеть уменьшенной копией садов Трианона.

— Я сам выращивал розы, — рассказывал судья. — Поэтому я и подумал о колодце.

Комиссару показали три колодца. Один из них, посреди сада, бездействовал: летом его, должно быть, используют как клумбу для герани или других цветов.

— Вы не будете возражать, сударыня, если я попрошу разрыть этот колодец? Это, конечно, принесет саду известный ущерб. А я не запасся никакими официальными бумагами, которые

обязывали бы вас согласиться.

— Там, что же, клад? — рассмеялась одна из англичанок. — Юрбен! Тащите сюда заступ.

Тогда, в Эгюийоне, голос судьи звучал неторопливо, невозмутимо, словно рассказывал он не о себе.

— Вам, разумеется, известно, что значит застать на месте преступления? Вы сами присутствовали при таких сценах в номерах гостиниц, в более или менее подозрительных меблирашках. Бывает… Наверно, дело заключалось в том, что у мужчины была пошлейшая физиономия и смотрел он на меня с каким-то вызовом. А сам он был смешон, отвратителен — полураздетый, растрепанный, левая щека перемазана губной помадой. Я убил его.

— У вас был с собой револьвер?

— Нет, револьвер хранился у нас в спальне, в комоде. До ящика было рукой подать. Я пристрелил его хладнокровно — признаю это. Я был тогда спокойнее, чем сейчас. Подумал о детях, которые вот-вот придут из школы… Позже я узнал, что он был певцом в кафешантане. Он был нехорош собой. Густые сальные волосы, свалявшиеся на затылке…

Мегрэ проворно подошел к садовнику.

— Сперва уберите чернозем. Я полагаю, что слой земли окажется не толще двадцати сантиметров. А под ними…

— Камни и цемент, — объявил Юрбен.

— Эти камни и этот цемент надо вынуть.

И снова в ушах зазвучал невозмутимый голос:

— Я вспомнил о колодце. Отнес туда труп, одежду убитого, все, что при нем было. Колодец был узковат, и как я ни заталкивал туда тело, оно все равно скрючилось Я закидал его большими камнями. Сверху опрокинул несколько мешков цемента… Но это уже не столь важно.

Как раз на этом месте в окне показалось лицо жандарма; судья пожал плечами.

— И тут моя жена превратилась в сущую фурию. Меньше чем в полчаса, комиссар, она выложила мне все, сама. Я услышал обо всех ее похождениях до свадьбы, узнал, на какие уловки она пускалась, как потворствовал ей отец. А потом — обо всех ее любовниках, о том, где она с ними встречалась. Она была на себя не похожа. «Я любила этого человека, слышишь, любила!» — орала она с пеной у рта, не думая о том, что дети уже вернулись из школы и могут все услышать. Мне следовало вызвать полицию и во всем признаться, не правда ли? Меня бы оправдали. Но сын и дочь жили

бы всю жизнь, зная, что их мать… Я сразу же все хорошо обдумал. Удивительно, до чего четко работает голова в такие минуты. Я дождался, пока стемнело. Был июнь, ждать пришлось долго. Я крепче, чем может показаться, А раньше был еще крепче…

Одиннадцать. Промерзшая за ночь земля увлажнилась и прогрелась под лучами солнца.

— Ну, что? — спросил Мегрэ.

— Поглядите сами!

Комиссар наклонился. На заступе виднелось нечто белое, извлеченное из глубины. Череп…

— Приношу извинения, сударыни, за причиненное беспокойство. Смею заверить, тревожить вас никто не будет. Мы имеем дело с очень давним преступлением. До официального освидетельствования я сам возмещу вам убытки.

Судья не лгал. Он убил человека. И более пятнадцати лет об этом не знал никто, кроме его жены, которая жила на Лазурном берегу, в Ницце, на вилле «Серые скалы», вместе с голландцем Хорасом Ван Ушеном, торговцем какао.

— Капельку виски, комиссар?

Ему об этом и подумать тошно! Еще тошнее разговаривать с ними о расследовании!

— Мне нужно до двенадцати связаться с судеб-

ными властями Версаля.

— Вы еще придете?

Нет уж! Он этим преступлением не занимается, его дело — расследование убийства некоего доктора Жанена, которое произошло в доме судьи в Эгюийоне.

Воздух был пронизан нежным солнечным светом, и казалось, что Парижская авеню усыпана золотой пылью. Но теперь следовало поторопиться. Мегрэ увидел такси.

— Дворец правосудия.

— Это в двух шагах.

— Какая вам разница?

А теперь назваться. Предстать перед недоверчивыми и скучающими взглядами коллег. Дело-то совсем давнее! И впрямь, какая нужда все это ворошить?..

Мегрэ позавтракал один в пивной «Швейцария», ему подали сосиски и кислую капусту. Он пробежал глазами газету, но не понял ни слова.

— Официант! Закажите разговор с Ларош-сюр-Йон, номер сорок один. Срочный, полиция. А еще попросите соединить с тюрьмой.

Пиво было недурное, сосиски с капустой приличные, вполне приличные — Мегрэ заказал добавку. Это, пожалуй, не вполне соответству-

ет галантным версальским традициям, но тем хуже!

— Алло!.. Да… Держалась спокойно?.. Очень хорошо. Как вы сказали?.. Просит рояль? Возьмите напрокат… Да, под мою ответственность. Отец оплатит все расходы. Но смотрите мне, если вы хоть на минуту уйдете из коридора или если она удерет через окно…

В тюрьме никаких происшествий. Судья Форлакруа в одиннадцать часов имел свидание со своим адвокатом и в продолжение получаса мирно с ним беседовал.

Глава 7
«Расспросите обо всем комиссара»

Как приятно было в восемь утра спуститься по узкой лесенке с блестящими на солнце сосновыми перилами, войти в пустой зал гостиницы, усесться за тот же столик, что всегда, и обнаружить на нем прибор, кружку из толстого фаянса, домашнюю колбасу и свежие креветки утреннего лова!

— Тереза, кофе! — крикнул Мегрэ, усаживаясь.

Однако кофе ему принесла хозяйка.

— Тереза пошла к мяснику.

— Растолкуйте мне, хозяйка: в порту ни души, хоть вода стоит низко… Неужто местные жители боятся холода?

— Нынче мертвая вода, — объяснила собеседница.

— Что это значит?

— В прилив на устричных отмелях делать нечего.

— Выходит, половину времени собиратели мидий сидят без дела?

— Вот уж нет! Здесь чуть ли не у каждого земля, или болота, или скот…

Комиссар обошелся приветливо даже с Межа, хотя тот благоухал бриллиантином и нацепил нелепый ядовито-зеленый шарф.

— Садись. Угощайся. И рассказывай, что ты обнаружил у этой несчастной старухи.

Мегрэ имел в виду мать Марселя. По правде сказать, он был доволен, что переложил эту обязанность на плечи инспектора.

— Наверняка старый деревенский домишко? Мебель ветхая, допотопная? Стоячие часы с медным маятником, который поблескивает при качании?

— Не угадали, шеф! Этот дом ежегодно красят. Старую дверь заменили на новенькую, с накладками из поддельного кованого железа. Мебель куплена в универмаге на бульваре Барбес.

— Хозяйка первым делом поднесла тебе выпить.

— Было дело.

— И ты не нашел в себе сил отказаться?

Бедняга Межа так и не взял в толк, какую провинность он совершил, не отказавшись от рюмки сливянки — ароматной местной водки.

— Не красней. Я не тебя имею в виду. Скорее,

самого себя, — он ведь и ел, и пил в доме судьи. — Одни находят в себе силы отказаться, другие нет. Ты пошел к этой старухе, чтобы вытянуть из нее сведения против сына, а начал с того, что отведал ее сливянки… Мне кажется, что судья — из тех, кто умеет отказаться. Отказаться от чего угодно, хоть от самого себя! Не ломай себе над этим голову… Она плакала?

— Знаете, она не меньше сына ростом, да и в силе ему не уступает. Сначала хорохорилась, потом заговорила сквозь зубы. Заявила, что если мы не отстанем, она прибегнет к какому-нибудь «законнику». Я спросил, находился ли ее сын в отлучке последние дни. Чувствую — она в нерешительности. «Насколько я знаю, он поехал в Ниор по делам». — «Вы уверены, что он именно в Ниоре? Где он ночевал?» — «Не знаю». — «Как так — не знаете? Вы ведь живете в доме вдвоем! Может быть, разрешите осмотреть комнаты? У меня нет постановления, но, если вы откажете…» Поднялись мы с ней на второй этаж… Там-то все по-старому, мебель старинная, точно как вы сейчас говорили, — огромные шкафы, сундуки, увеличенные фотографии. «В каком костюме ваш сын ездит в город?» — Она сняла с вешалки синий саржевый костюм. Я проверил карманы. Нашел

вот этот счет из нантской гостиницы. Посмотрите на число: пятое января — за несколько дней до того, как в Эгюийон приехал доктор Жанен.

— Ты не пожалел о той рюмке сливянки? — спросил Мегрэ, поднимаясь навстречу разносчику телеграмм. Вернувшись на место с несколькими телеграммами, он разложил их перед собой, но, вопреки обыкновению, не распечатал сразу же.

— Между прочим, знаешь, почему старая Дидина со своим Юло так возненавидели судью? Я забирался во всякие дебри, а причина-то простая, такая же простая, как эта деревенька, как этот маяк, когда его освещает солнце. Когда вышедший на пенсию таможенник и его жена узнали, что судья переехал в Эгюийон, Дидина навестила его, напомнила ему детское знакомство. Предложила ему взять их в услужение — ее кухаркой, а самого Юло садовником. Форлакруа отказался: он хорошо ее знал. Вот и все!

Комиссар вскрыл одну из телеграмм и протянул Межа.

> «Марсель Эро состоит учете как моряк проходил службу на борту эсминца „Мститель“».

— Но судья же сознался! — воскликнул Межа.

— Вот как! Сознался?

— Об этом пишут все газеты.

— А ты, оказывается, еще веришь всему, о чем пишут газеты?

У него хватило терпения дождаться десяти часов в полном, так сказать, бездействии — он бродил между вытащенных на берег лодок, поглядывал на дом и только два раза зашел в гостиницу пропустить рюмочку, потому что было и впрямь холодно. При виде двух подъехавших одна за другой машин он улыбнулся: потешная, прямо-таки трогательная приверженность установленной форме! Двое, приехавшие в такую рань из Ларошсюр-Йон, были старинными друзьями. Они на «ты» со школьной скамьи. Им приятнее было бы проделать этот путь в одной и той же машине. Но один из них — судебный следователь, ведущий эгюийонское дело; другой — адвокат, приглашенный судьей Форлакруа. Потому накануне они долго спорили, прилично ли им ехать вместе.

Оба пожали Мегрэ руку. Г-н Куртье, мужчина средних лет, слыл лучшим адвокатом департамента.

— Мой клиент сообщил, что передал все ключи вам.

Мегрэ извлек ключи из кармана, и все трое на-

правились к дому, возле которого по-прежнему дежурил жандарм. Следователь, явно не придавая этому значения и желая лишь показать, что от его внимания ничего не ускользает, заметил:

— По правилам, дом следовало опечатать. Ну, не беда! Поскольку господин Форлакруа сам вручил ключи комиссару и попросил его…

Как странно! Мегрэ вошел сюда, как к себе домой, повесил пальто на хорошо знакомую вешалку, направился в библиотеку.

— Нам придется задержаться здесь на некоторое время, поэтому затоплю-ка я камин…

На сердце у него заскребли кошки: он снова увидел два кресла у камина, невыметенный трубочный пепел, окурки…

— Советую устраиваться поудобней, господа.

Адвокат не без обиды начал:

— Мой клиент сказал мне: «Расспросите обо всем комиссара». Следовательно, вам, господин комиссар, придется рассказать нам, что он делал после того, как убил того человека и замуровал его, так сказать, у себя в колодце.

— Проходите, господин следователь, — похозяйски предложил Мегрэ. — Заметьте, я не рассчитываю найти здесь ничего сенсационного. Я просил разрешения на обыск, в сущности, для

того, чтобы лучше представить себе, как жил судья Форлакруа в последние годы. Поглядите, с каким вкусом подобрана вся эта мебель, насколько удачно расставлено все, вплоть до последней безделушки.

Форлакруа не сразу уехал из Версаля. Жену он попросту выставил за дверь — вполне хладнокровно, выдав ей внушительный чек. Судья так и стоял у Мегрэ перед глазами — маленький, щуплый, непроницаемый, шевелюра словно ореол вокруг головы, пальцы сухие, нервные. Он не из тех, кто соглашается с тем, с чем не желает соглашаться. Мегрэ сам признал это нынче утром. Дидина знает судью с этой стороны, не зря она столько лет не может забыть, с каким ледяным спокойствием он отверг ее предложения, и не отверг, а просто-напросто не снизошел до них!

— Она не делала попыток остаться с вами и с детьми? — допытывался Мегрэ, когда они сидели вдвоем у камина.

Разумеется, делала! Закатывала сцены. Валялась у него в ногах. Потом месяцами писала ему. Умоляла, угрожала.

— Я ни разу не ответил. А потом узнал, что она живет на Лазурном берегу с этим своим голландцем.

Дом в Версале он продал. Переехал в Эгюийон. А потом…

— Вы чувствуете атмосферу этого дома? Здесь все дышит комфортом и благополучием, — вздохнул Мегрэ. — Хозяин этого дома годами следил за собственными детьми, гадая, его это дети или не его. А мальчик, взрослея, в свою очередь пытался проникнуть в окружавшую его тайну, спрашивал о матери, о своем рождении…

Мегрэ как раз отворил дверь в комнату, где по-прежнему стояли на своих местах игрушки, а в углу — школьная парта из светлого дуба. Дальше находилась бывшая спальня Альбера, в шкафу еще висела его одежда. Потом они обнаружили стенной шкаф, набитый куклами Лиз Форлакруа.

— Лет в семнадцать-восемнадцать, — продолжал комиссар, — Альбер бог знает почему возненавидел отца. Он не понимал, зачем тот держит его сестру взаперти. А у Лиз уже тогда случился первый припадок. И как раз в это время Альбер наткнулся на одно из писем, написанных вскоре после драмы. Постойте… Кажется, оно в этом секретере. У меня есть ключ от него.

Казалось, у комиссара есть ключи не только от секретера эпохи Людовика XVI, но и к людям, которые столько лет жили в этом доме. Он курил

трубку. Следователь и адвокат шли за ним. Во всем, что он делал, о чем заговаривал, сквозил такт, которого трудно было ожидать от этого толстяка с большими ручищами.

— Можете приобщить его к делу, — сказал он, не читая письма. — Я знаю, что там написано, знаю до последнего словечка: она грозит мужу тюрьмой. Альбер потребовал объяснений. Форлакруа не пожелал ответить. С тех пор они стали чужими друг другу. После военной службы Альбер решил жить самостоятельно, но своеобразное любопытство удержало его в Эгюийоне; и вот он стал сборщиком мидий. Вы его видели. Человек он беспокойный, необузданный, хотя по виду и не скажешь. Ну, а что касается дочери…

В дверь позвонили. Мегрэ пошел открывать. Это был Межа, он принес телеграмму. Межа не прочь был войти, но шеф не пригласил его в дом. Поднявшись наверх, комиссар сообщил:

— Она ответила на мое приглашение телеграммой. Приедет.

— Кто приедет?

— Госпожа Форлакруа. Вчера в полдень она выехала из Ниццы на машине.

Мегрэ представлял собой впечатляющее зрелище. В нем и впрямь появилось нечто пора-

зительное. Расхаживая взад и вперед по этому чужому дому, вникая в чужие жизни, тяжеловесный, невозмутимый увалень Мегрэ неуловимо менялся: и манерой держаться, и интонациями он, сам того не сознавая, начинал напоминать Форлакруа. Трудно было себе представить двух более различных людей, и все же временами это сходство так бросалось в глаза, что адвокату становилось не по себе.

— Когда я впервые пришел в этот дом, Лиз была в постели. Погодите… Эта лампа у изголовья была зажжена. Форлакруа обожал дочь. Обожал и страдал от этого, потому что не мог избавиться от сомнений. Какие у него были доказательства, что отец Лиз — он, а не кто-нибудь из любовников жены, вроде того певца с сальными волосами? Он любил ее еще и за то, что она не такая, как все дети, за то, что она в нем нуждается, за то, что она словно зверек, пугливый и ласковый. Когда ее не терзали припадки, она, как мне кажется, держалась, словно шестилетняя девочка — наивная, обаятельная. Отец приглашал к ней виднейших специалистов. Могу вам сообщить, господа, что обычно девушки с таким заболеванием едва доживают лет до шестнадцати-семнадцати, причем к этому возрасту припадки обычно учащаются, а

после припадков наступает подавленность, безразличие. Деревенские языки преувеличивают, но все же и до Марселя Эро этим ее состоянием пользовались человека два, если не больше. И когда появился Марсель…

— Простите, — перебил следователь, — я еще не допрашивал обвиняемого. Утверждает ли он, что не знал о ночных визитах Марселя Эро к его дочери?

С минуту Мегрэ смотрел в окно, потом повернулся.

— Нет.

Неловкая пауза.

— Итак, этот человек… — вновь подал голос следователь.

Адвокат уже раздумывал, как изобразить эту чудовищную подробность перед судом присяжных в Ларош-сюр-Йон.

— Этот человек все знал, — подхватил Мегрэ. — Все врачи, с которыми он консультировался, были одного мнения: «Выдайте ее замуж. Это единственный шанс».

— Но одно дело выдать ее замуж, а другое — терпеть, чтобы такой тип, как Эро…

— А вы, господин следователь, полагаете, что девушку, страдающую подобным заболеванием,

легко выдать замуж? Форлакруа предпочитал закрыть на все глаза. Он навел об Эро справки. Вероятно, понимал, что этот юноша, несмотря на историю с Терезой, не чужд порядочности. Об этом я вам еще расскажу. Представьте себе, Марсель тоже сомневался, что ребенок у Терезы от него. После рождения ребенка она его преследовала… Эро был в самом деле влюблен в Лиз. Настолько, что готов был взять ее в жены, несмотря ни на что.

Мегрэ помолчал, выбил трубку о каблук и негромко сказал:

— В ближайшее время они должны были пожениться.

— Что вы говорите!

— Я говорю, что через два месяца Марсель и Лиз должны были стать мужем и женой. Если бы вы лучше знали судью Форлакруа, вы бы поняли… Недаром у него хватило терпения на годы и годы такой жизни. Он долго присматривался к Марселю. Однажды Марсель шел мимо их дома, как вдруг дверь распахнулась. На пороге показался Форлакруа и шепнул испуганному парню: «Не зайдете ли на минутку ко мне?».

Мегрэ машинально принялся заводить остановившиеся стенные часы.

— Я знаю, что все произошло именно так: я ведь и сам сидел рядом с ним у камина. Наверно, он повел беседу неторопливо. Налил портвейну в два хрустальных бокала. И сказал… Сказал то, что следовало сказать. Всю правду про Лиз. Потрясенный Эро не знал, что ответить. Попросил несколько дней на раздумье. Нет никакого сомнения, что ответ оказался положительным. Вам знакомы такие, как он, простые, крепкие люди, господин следователь? Наблюдали вы их на ярмарке? Слышали, как они приценяются, прежде чем сделать покупку? Поверьте мне: Эро вспомнил о судовом враче с «Мстителя» — может быть, они в свое время были приятелями. Он отправился в Нант…

Автомобильный гудок. Неожиданно долгие звуки. Из окна они увидели роскошную машину с шофером в ливрее — он вылез из-за руля и уже открывал дверцу.

Мегрэ и его собеседники находились в комнате, служившей Лиз будуаром; здесь же стоял рояль. Все трое смотрели в окно.

— Хорас Ван Ушен! — объявил Мегрэ, кивнув на старика, который первым вышел из машины, двигаясь рывками, словно автомат, у которого не смазаны шарниры.

Местные жители столпились на углу улицы. Ван Ушен в костюме из светлой фланели, в белых ботинках, в просторном клетчатом пальто и белом суконном кепи представлял для них воистину любопытное зрелище. На Лазурном берегу он никого не удивил бы своим нарядом, но в Эгюийоне, где в летние месяцы бывают лишь туристы среднего достатка, он выглядел, пожалуй, несколько необычно. Он немного напоминал Рокфеллера — такой же худой и морщинистый. Он подал руку даме, сидевшей в машине. Она вышла — крупная, вся в мехах, — смерила дом взглядом снизу вверх, затем сверху вниз. Потом что-то сказала шоферу. Тот позвонил.

— Если не возражаете, господа, пусть голландец подождет на улице. Хотя бы какое-то время.

Мегрэ пошел открывать. С первого взгляда он убедился, что судья не солгал: Валентина Форлакруа, урожденная Константинеску, была в свое время красавицей; глаза у нее и теперь были прекрасные, а губы, несмотря на морщинки в уголках рта, такие же чувственные, как у Лиз.

— Ну вот, я приехала, — объявила она. — Хорас, идите сюда.

— Прошу прощения, сударыня, но мне хотелось бы, чтобы сперва вы вошли одна. Быть может,

так будет лучше и для вас, не правда ли?

Хорас в негодовании вернулся в машину. Завернулся в плед и замер, не обращая ни малейшего внимания на мальчишек, которые приникли к окнам автомобиля, глазея на приезжего.

— Дом вы знаете. Если угодно, пойдем в библиотеку — там топится камин.

— Я никак не возьму в толк, какое отношение ко мне имеет преступление, совершенное этим человеком! — заговорила она, войдя в комнату. — Не спорю, он мой муж. Но мы уже достаточно долго живем врозь, и что бы он ни делал, меня это не интересует.

Следователь и адвокат тоже спустились в библиотеку.

— Речь идет не о том, что он делает в настоящее время, а как раз о том, что делали вы оба пока жили вместе, и господин следователь вам сейчас это разъяснит.

Комната постепенно пропиталась резким запахом духов. Пальцами с кроваво-красным маникюром, унизанными массивными кольцами, Валентина Форлакруа распечатала пачку сигарет, лежавшую на столе, и оглянулась в поисках спичек.

Мегрэ дал ей прикурить.

Следователь счел, что ему самое время вмешаться и принять участие в этой сцене.

— Надо думать, вам известно, сударыня, что к судебной ответственности может быть привлечен в качестве сообщника не только тот, кто соучаствовал в преступлении, но и тот, кто присутствовал при нем и не сообщил об этом властям.

Форлакруа не солгал — это была сильная женщина. Оттягивая разговор, она несколько раз затянулась сигаретой. В норковом манто, накинутом поверх черного шелкового платья с бриллиантовой брошью, она прошлась взад и вперед по просторной комнате, остановилась у камина, наклонилась, схватила щипцы и поправила полено. Потом выпрямилась — теперь все уловки были отброшены. Она приготовилась к борьбе. Глаза у нее уже не блестели так ярко, зато взгляд их стал острей. В очертаниях губ появилась жесткость.

— Ну что ж, — проговорила она, усаживаясь на стул и облокачиваясь на столик. — Я вас слушаю. Что до вас, комиссар, то поздравляю вас с ловушкой, которую вы мне расставили.

— С какой ловушкой? — удивился следователь, повернувшись к Мегрэ.

— Да какая там ловушка! — проворчал комиссар, гася трубку большим пальцем. — Я телеграммой попросил госпожу Форлакруа приехать, чтобы объяснить, зачем она посетила своего мужа месяц тому назад. И если не возражаете, попрошу вас, господин, следователь, начать именно с этого вопроса.

— Вы слышали, сударыня? Предупреждаю вас, что в отсутствие письмоводителя наше собеседование носит неофициальный характер и что присутствующий здесь мэтр Куртье является адвокатом вашего мужа.

Она с презрительной гримаской выдохнула дым, пожала плечами и проронила:

— Я хотела получить развод.

— Почему сейчас, а не раньше?

И тут произошло превращение, о котором предупреждал Форлакруа. Эта украшенная бриллиантами женщина мгновенно стала нестерпимо вульгарна.

— Потому что Ван Ушену семьдесят восемь, — отрезала она.

— И вы хотите выйти за него замуж?

— Это решено еще полгода назад, когда его племянник просадил в рулетку несколько сот тысяч франков и явился клянчить у него в долг.

— Итак, вы приезжали сюда… Ваш муж вас принял?

— В коридоре.

— Что он вам сказал?

— Что он знать меня не знает и, соответственно, у него нет никаких причин разводиться.

Этот ответ был настолько в духе Форлакруа, что Мегрэ мысленно зааплодировал. Он нацарапал несколько слов карандашом на клочке бумаги и передал следователю, перед которым ему теперь полагалось отступить на задний план.

— Что вы делали дальше.

— Вернулась в Ниццу.

— Минутку! Вы ни с кем не виделись в Эгюийоне?

— Что вы имеете в виду?

— Например, с сыном?

Ненавидящий взгляд в сторону комиссара.

— Этот господин, как я вижу, — самый настоящий шпик. Действительно, я встретила сына…

— Встретили?

— Я зашла к нему домой.

— Он узнал вас через столько лет?

Она пожала плечами.

— Какая разница! Я сказала ему, что Форлакруа ему не отец.

— Вы в этом уверены?

— Какая тут может быть уверенность? Я сказала сыну, что хочу развестись, а муж отказывает мне в этом, что он жестокий человек, что совесть у него нечиста, и если бы ему, Альберу, удалось склонить его к разводу…

— Словом, вы перетянули сына на свою сторону. Вы предложили ему денег?

— Он не захотел брать.

— Он обещал вам помощь?

Утвердительный кивок.

— Вы рассказали ему о том давнем убийстве?

— Нет. Просто сказала, что, если захочу, Форлакруа надолго угодит в тюрьму.

— После этого вы ему писали?

— Да, чтобы узнать, добился ли он…

— Вы слышали когда-нибудь о докторе Жанене?

— Никогда.

Следователь вопросительно оглянулся на Мегрэ, и комиссар пробормотал.

— Если госпожа Форлакруа устала, мы можем, пожалуй, отпустить ее позавтракать? Да и господин Ван Ушен, кажется, скучает в машине.

— Вы меня задерживаете?

— Пока нет, — объявил следователь. — Прошу

вас только оставаться в распоряжении органов правосудия. Вас не затруднит, скажем, дать мне свой адрес в Ларош-сюр-Йон.

— Извольте! Гостиница «Два оленя» — она, по-моему, лучшая.

Все встали. Выходя, г-жа Форлакруа улыбнулась следователю и адвокату и, по-видимому, едва удержалась, чтобы не показать язык или не состроить гримасу Мегрэ, который удовлетворенно раскуривал трубку.

Глава 8
Едоки картофеля

— Туз, король и дама козырей.

— Это ничего не значит, папаша. Пятьдесят!

— Покажи-ка! Сейчас мы их убьем, твои пятьдесят…

Который теперь час? Рекламные часы на стене остановились. Лампы уже включены. Тепло. Рюмки наполнялись уже несколько раз, и к запаху трубочного табака примешивается коньячный аромат.

— Тем хуже! Хожу с козырей! — объявил Мегрэ, открывая карту.

— Вы в невыгодном положении, комиссар. Даже с девяткой на руках вам…

Играли уже четвертую или пятую партию в тысячу. Мегрэ курил, слегка откинувшись на спинку стула. Его партнером был хозяин, а против них играло двое рыбаков, в том числе старик Барито, ловец угрей. Инспектор Межа, оседлав стул, следил за игрой.

— Я-то знал, что у вас девятка.

— Скажи-ка, Межа, ты помнишь, как зовут су-

дебно-медицинского эксперта?

— У меня в блокноте записано.

— Позвони ему. Спроси, может ли он определить, за сколько примерно времени до смерти человек ел в последний раз. И что это была за еда. Понимаешь?

— У кого там было пятьдесят? И тридцать шесть?..

Хозяин считал. Казалось, Мегрэ купается в незатейливом, теплом блаженстве; если бы его сейчас неожиданно спросили, о чем он думает, он и сам бы удивился.

Давнее воспоминание! Дело Бонно — в те времена Мегрэ был тощ, носил длинные остроконечные усы и бородку, крахмальные пристежные воротнички высотой в добрых десять сантиметров и цилиндр.

— Видишь ли, старина Мегрэ, — говорил ему в те времена шеф, комиссар Ксавье Гишар, ставший позже директором уголовной полиции, — вся эта болтовня о чутье (в газетах именно тогда заговорили о безошибочном чутье Гишара) годится только для развлечения читателей. Когда ведешь расследование, самое важное — иметь про запас какой-нибудь строго установленный факт, а лучше два или три, вполне надежных, на которые

потом можно будет опереться. А дальше остается только продвигаться вперед, потихоньку, словно тачку везешь. В этом и состоит наше ремесло, а это их так называемое чутье на самом деле просто-напросто везение.

Как ни странно, именно это воспоминание и заставило его согласиться сыграть в карты, к великому изумлению Межа.

Вслед за автомобилем Валентины Форлакруа и голландца укатили машины следователя и адвоката. На какое-то время Мегрэ оказался посреди улицы один и почувствовал легкую растерянность. Форлакруа в тюрьме. Дочь Лиз в клинике. Перед отъездом следователь опечатал дом. Уезжал он довольный, словно увозя с собой законную добычу. Отныне все в его руках! Сидя у себя в кабинете Дворца правосудия в Ларош-сюр-Йон, он будет вести допросы, очные ставки…

— Ну-ну, — буркнул Мегрэ и вошел в зал гостиницы.

Почему на душе у него тяжело? Разве так бывает не всегда? И не смешно ли с его стороны терзаться чувством, смахивающим на ревность?

— Чем займемся, шеф?

— Где список, который я продиктовал?

— Дидина с мужем… Марсель Эро… Тереза…

Альбер Форлакруа…

— С кого начнем?

Он начал с игры в карты.

— Скажите, у вас тут всегда так дрейфят?

— Только когда ходят с козырей. А в Париже?

— Смотря по обстоятельствам… Восьмерка…

В какой-то момент, пока партнер подсчитывал очки, Мегрэ вытащил из кармана карандаш и блокнот — это он-то, который почти никогда ничего не записывал, — и вывел с сильным нажимом так, что даже грифель сломался:

«Доктор Жанен приехал в Эгюийон во вторник между четвертью и половиной пятого.»

Ксавье Гишар сказал бы, что это первый бесспорный факт. Ну, а потом? Мегрэ чуть не добавил, что вечером этот Жанен был убит в доме судьи. Но этот факт уже не столь бесспорен. Через три дня после смерти судебно-медицинский эксперт сумел установить время ее с точностью лишь до нескольких часов. И нет никаких доказательств…

В среду утром труп Жанена лежит на полу в кладовке для фруктов в доме судьи.

Из уважения хозяин не бросил традиционное: «Дураку, который спрашивает». Время от времени Мегрэ поглядывал на две короткие фразы — все, что было в деле достоверного. Межа под лестницей разговаривал по телефону; как обычно при этом голос его срывался на визгливый фальцет.

— Ну, что?

— Врач перечитал свое заключение. Судя по содержимому желудка, пострадавший поел нормально. Довольно значительные следы алкоголя…

Межа не понял причины внезапного удовлетворения Мегрэ, который так откинулся со стулом назад, что потерял бы равновесие, не ухватись он за стол.

— Скажите, на милость, — бросил он, посмотрев к себе в карты, — парень, оказывается, даже поел!

Ничего особенного в этом, вроде, и не было. И все же… Жанен не ел ни в гостинице «Порт», ни в закусочной напротив, ни в Эгюийоне.

— Терц.

— Какой?

— Королевский. Кстати, у младшего Форлакруа есть грузовик?

— Есть, но он уже две недели в ремонте.

Никто не сообщал, что подбрасывал куда-нибудь Жанена на машине. Значит, раз он поел…

— Межа, беги к мяснику… Скажите, хозяин, мясник у вас один?

— Да, но он забивает скот только раз в неделю.

— Спроси, не приходили ли к нему в тот вторник, между четырьмя и семью, за хорошим кусочком.

— Кто?

— Неважно.

Межа натянул пальто и со вздохом ушел. Дверь открылась и снова затворилась, по ногам потянуло холодом. Тереза, сидя у печки, вязала. Дверь опять распахнулась: Межа делал комиссару какие-то знаки.

— Чего тебе?

— Можно вас на одно словечко, шеф?

— Сейчас… Козыри! Старшие трефы! И этого туза бубен вы не убьете! Вам крышка, господа! — воскликнул комиссар и обратился к Межа: — В чем дело?

— Там Дидина. Хочет, чтобы вы пошли с ней. Кажется, что-то очень срочное.

Перед уходом Мегрэ раскурил трубку. Ночь была непроглядная. Сильно подмораживало.

Свет горел лишь в нескольких окнах да в витрине бакалейщика, залепленной прозрачными рекламами. Маленькая фигурка Дидины вроде как прилепилась к силуэту комиссара.

— Пойдемте со мной. Но не рядом — идите следом, иначе подумают, что я вас веду.

В одной руке она держала полупустой мешок, в другой — серп, словно собиралась накосить кроликам травы. Они пошли; у дома Альбера Форлакруа из тени выдвинулась фигура: дежуривший там жандарм отдал комиссару честь. Время от времени Дидина оборачивалась, чтобы убедиться, что Мегрэ идет следом, но вдруг исчезла, словно проглоченная черной пустотой между двумя домами. Мегрэ углубился в проход. Ледяные пальцы дотронулись до его руки.

— Осторожно! Тут проволока.

Днем это место показалось бы самым обычным. В темноте, ведомый странной маленькой ведьмой с мешком и серпом, Мегрэ несколько потерял ориентацию. Он наступил на устричные раковины, в нос ему ударил острый запах отбросов.

— Перешагните, здесь решетка.

Мерзлая капуста. Он находился на огороде, позади дома. Рядом, за ветхими заборами, были такие же огороды. Поблизости зашевелилось

что-то живое: кролики в крольчатнике.

— Я ходила за травой для кроликов, — сообщила Дидина, не останавливаясь.

В сущности, деревня представляла собой скопление домов вдоль улицы, за ними находились огороды, дальше — канава, в которой во время прилива поднималась вода, еще дальше — бесконечные болота.

— Не шумите… Не разговаривайте… Ступайте осторожно.

Через несколько секунд, все еще держа Мегрэ за руку, она повела его вдоль выбеленной стены. У слабо освещенного окошка он увидел силуэт и узнал таможенника; тот приложил к губам палец.

Трудно сказать, что ожидал увидеть комиссар. Во всяком случае, не зрелище, мгновение спустя открывшееся у него перед глазами: тихое и мирное, оно походило на лубочные картинки, которые в деревне висят на стенах веками. Жюстен Юло отодвинулся и освободил ему место у окошка. Оно оказалось низковатым для комиссара, и ему пришлось нагнуться. От конюшенного фонаря, стоявшего за стеклом на бочке, лился желтоватый свет. Мегрэ уже сообразил, что они находятся за домом Альбера Форлакруа, у сарая,

стоящего в глубине двора и предназначенного, как повсюду в деревнях, для хранения пустых бочек, котелков, ржавого инструмента, мешков, ящиков, бутылок.

В очаге, на котором готовили пищу животным, горело несколько поленьев. Перед ним сидели двое мужчин: один на ящике, другой на перевернутой корзине. Они были в высоких с отворотами до колеи резиновых сапогах, при виде которых Мегрэ всегда вспоминались три мушкетера. Оба были молодые, крупные, сильные. Два странно одетых гиганта. Обычные костюмы сборщиков мидий при этом освещении наводили на мысль о персонажах, сошедших с музейного полотна. Один из мужчин вытащил из кармана сигарету и протянул товарищу. Тот выхватил из огня головню. Они беседовали. Губы их двигались, но слышно, увы, ничего не было. Тот, что вытащил из кармана сигарету, потом другую, себе, был Альбер Форлакруа. Другой, сидящий напротив камина, — Марсель Эро; узнать его было трудно, так как лицо скрывала уже довольно длинная белокурая борода.

Дидина, задев своим тощим телом Мегрэ, выдохнула:

— Час назад, когда я первый раз заглянула сюда,

они были уже здесь. Как раз начинало смеркаться. Младший Форлакруа один раз выходил за картошкой.

Насчет картошки Мегрэ не понял, это показалось ему нелепостью.

— Я не хотела заходить в кафе. Тихонько постучала в окно, но вы играли в карты и не обратили внимания.

Вот забавная мышь! Значит, она посеменила домой и отправила мужа сторожить. Интересно, случайно ли она заглянула к Альберу Форлакруа, когда пошла за травой для кроликов? Если нет, то что привело ее именно сюда? Нет, здесь было что-то не так. Муж Дидины ждал, отойдя на несколько метров.

— Я сомневалась, что он вернется, — добавила она.

— И увидится с Альбером Форлакруа.

— Тсс!

Мегрэ не умел разговаривать тихо; значит, ему следовало помолчать.

— Вы арестуете обоих? — прошептала Дидина.

Комиссар не ответил. Он стоял не шевелясь. Позади них, в небе над Китовой косой мерно вспыхивал маяк; с болот доносилось иногда мычание коровы. Игра в гостинице «Порт», на-

верное, продолжается; Тереза явно обеспокоена отсутствием Мегрэ. Что же касается этих двоих… Только сейчас комиссар обратил внимание, насколько они внешне похожи друг на друга. Одинаковый образ жизни, брызги соленой воды, морской воздух наделили их красной кожей и выцветшими волосами. Оба кряжисты, как люди, которые постоянно борются с силами природы. Они курили. Неторопливо беседовали. Глаза их были устремлены на огонь; чем-то железным Марсель пошевелил золу, и лицо его выразило простодушную радость. Он сказал несколько слов Альберу; тот встал и, нагнувшись, вышел в низкую дверь. Через несколько мгновений он вернулся с двумя стаканами толстого стекла и наполнил их из бочки, стоявшей в углу. Белое вино! Оно казалось таким вкусным, что Мегрэ ужасно захотелось тоже пропустить стаканчик. А картошка… Оказывается, у них была и картошка.

На комиссара нахлынули детские воспоминания — гравюры из книг Фенимора Купера и Жюля Верна. То, что он сейчас видел, происходило во Франции, в самом сердце французской деревушки. И в то же время все это происходило очень далеко. Двое мужчин могли быть трапперами или людьми, потерпевшими кораблекрушение и

попавшими на необитаемый остров. Их рабочая одежда не относилась ни к какой эпохе. Впечатление довершала буйная, густая борода Марселя. Своей железякой он вытащил из золы несколько горячих закопченных картофелин и толстыми пальцами стал очищать запекшуюся шкурку. Под ней показалась желтая дымящаяся мякоть, в которую он впился крепкими зубами. Его товарищ встал. Головой он почти доставал до потолка. Вынув из кармана нож, он отрезал две сосиски из связки, висевшей у Марселя над головой.

— Что они делают? — шепнула Дидина.

Комиссар не ответил. Он дорого дал бы, чтобы разделить эту импровизированную трапезу, поесть запеченной в золе картошки и чуть уже закоптившихся от времени сосисок, запивая их вином, которое казалось таким освежающим! Самым интригующим было спокойствие, непринужденность этих молодцов, не подозревавших, что за их жестами и движениями губ кто-то наблюдает. О чем они могли говорить? Они были уверены в себе, уверены друг в друге. Присев на корточки, они ели на манер крестьян и матросов — каждый пользовался вытащенным из кармана ножом. Говорили они флегматично — время от времени произносили короткую фразу и вновь

замолкали.

— Вы их не арестуете?

Мегрэ вздрогнул: что-то прикоснулось к его ноге. Это была охотничья собачка, почти щенок, принадлежавшая кому-то из соседей и теперь ластившаяся к комиссару.

— Жюстен! — позвала Дидина и указала мужу на собаку, которая в любую минуту могла затявкать. Он взял ее за холку и скрылся.

По ту сторону окошка веселья не было. Ни тревоги, ни веселья. Там царило невозмутимое спокойствие. Альбер поднялся, чтобы взять еще сосисок, и на секунду Мегрэ показалось, что Форлакруа его заметил. Ничего подобного. Наконец они утерли губы и закурили. Эро зевнул. Сколько уже времени, скрываясь от жандармов, он не мог спокойно выспаться? Он прислонился головой к стене и стал ковырять в зубах кончиком ножа. Младший Форлакруа опять куда-то ушел. На этот раз он отсутствовал гораздо дольше, и Мегрэ уже начал волноваться. Наконец Альбер распахнул ногой дверь и появился, неся на голове сложенный вдвое тюфяк, а в руках одеяла и подушки. Марсель принялся ему помогать, выказав при этом неожиданную опрятность. Прежде чем бросить тюфяк на землю, он взял из угла метлу и

подмел утоптанный пол.

Таможенник, утащивший собаку, вернулся и вновь встал неподалеку, не выказывая никаких признаков нетерпения.

— Вы их не арестуете? — дрожа прошептала вновь Дидина.

Эро снял клеенчатую куртку и, сев на землю, стал разуваться. Он снял носки и неожиданно заботливо начал растирать опухшие ноги. Альбер что-то спросил. Может, предложил горячей воды помыть ноги? Мегрэ готов был поклясться, что да. Марсель еще раз потянулся и наконец улегся на тюфяке со вздохом, который, казалось, был слышен снаружи. Альбер Форлакруа взял фонарь, осмотрелся и, взглянув на окошко, нахмурился. Забыл о его существовании? Нет, успокоился, вспомнив, что за ним только болото. Шутливо потрепал приятеля по шевелюре и вышел, затворив за собою дверь, огромный и грузный.

— С этой стороны можно выйти из дому? — спросил Мегрэ, отведя Дидину в сторону.

Она молча указала на низкую стену, огораживавшую двор Форлакруа. Тогда комиссар оставил таможенника на страже, снова прошел по обломкам раковин, мусору и битым бутылкам и, расставшись с Дидиной на улице, отправился в

жандармерию.

Поставив жандарма на место таможенника Юло, комиссар снова выбрался на улицу. Дидина с полупустым мешком и серпом была все еще там. Ему показалось, что она глядит на него с насмешкой.

— Ну, что скажете? Похоже, без старой Дидины… Сколько жандармов занималось его поисками? Жандармы! — она презрительно рассмеялась. — А вот ко мне не заходят, хоть я могла бы…

— Возвращайтесь домой, — посоветовал Мегрэ. — Сегодня вечером или завтра…

— Или когда рак свистнет! — трезво оценив ситуацию, добавила она. — Пошли, Жюстен. Могу поспорить, они еще найдут способ избавить его от тюрьмы.

Жандарм, дежуривший у дома Альбера Форлакруа, вышел из своего темного уголка на середину улицы.

— Он ушел? — спросил Мегрэ.

— Видите силуэт за третьим отсюда фонарем? Это он. Входит в кафе.

Несколько минут спустя Мегрэ тоже вошел туда. Игра продолжалась. Межа, как и следовало ожидать, обсуждал ее ход.

— Говорю вам, что как только вы объявили…

А, вот и комиссар! Так вот, раз я играю на червях, а…

Альбер Форлакруа сидел в одиночестве за длинным десятиместным столом и следил издали за игрой. Тереза поставила рядом с ним бутылку белого, но пить он не спешил.

— Черт! — проворчал Мегрэ, вспомнив нацеженное из бочки вино, картошку, сосиски.

— Сядете на свое место, шеф?

— Не сейчас. Продолжай.

Пальто комиссар не снял. Он выжидал, посматривая на молодого человека, вытянувшего перед собой длинные ноги. Чувствовал ли Мегрэ себя в форме? Хватит ли у него смелости? Начав, нужно будет идти до конца, чего бы это ни стоило. Часы на стене все еще опаздывали. Он взглянул на свои. Семь. Тереза накрывала на стол. Может, сперва поесть? Или…

— Дай-ка мне глоточек белого, Тереза, — попросил он.

Вряд ли вино то же, что пили те двое. Альбер Форлакруа задумчиво следил за комиссаром.

— Послушай, Межа!

— Да, шеф… Извините… Я забыл объявить терц.

— Вот это да!.. Так что же мясник?

— Он заходил, и я у него спросил. Не помнит. Если бы в такое время у него заказали хороший кусок, он запомнил бы.

Все шло по кругу. Мегрэ еще выжидал. Он спустился в кухню и поочередно приподнял крышки кастрюль.

— Что приготовили нам на обед, хозяюшка?

— Телячью печенку. Надеюсь, вы ее любите? Я не догадалась спросить.

И тут пришло решение. Телячью печень он ненавидел во всех ее видах.

— Послушай, Межа. Когда закончишь, сходишь в мэрию. Огонь там горит?

— Только что горел.

Мегрэ остановился перед Альбером Форлакруа.

— Давайте немного поговорим, не возражаете? Не здесь — у меня в кабинете. Вы обедали?

Молодой человек молча встал.

— Тогда пошли, — сказал Мегрэ, и они скрылись в ночи.

Глава 9
«Карусель»

Любой с набережной дез Орфевр — Люкас или Жанвье — сразу понял бы, что нужно Мегрэ. Даже взглянув на него со спины. Может быть, она ссутуливалась? Опускались плечи?

Во всяком случае, стоило инспекторам увидеть спину шефа в длинном коридоре Дворца правосудия, когда он, ни слова не говоря, приводил к себе в кабинет человека, они понимающе переглядывались.

— Ага! Ясное дело — свидетель.

И никто не удивлялся, что через несколько часов появлялся официант из пивной «Дофин» с бутербродами и пивом.

Здесь же провожать взглядом Мегрэ и его попутчика, когда они шли по темной улице, было некому.

— Подождите, пожалуйста, минутку.

Комиссар зашел в полную странных запахов бакалею, купил серого табаку и спички.

— Да, и пачку папирос. Лучше даже две.

В банке на витрине были слипшиеся конфеты,

которые в детстве он очень любил, но сейчас купить не решился. По пути Альбер Форлакруа молчал, явно стараясь держаться непринужденно.

Ограда мэрии, двор, потом кабинет: тепло, в темноте светится раскаленная печка.

— Заходите, Форлакруа. Располагайтесь.

Мегрэ зажег свет, снял пальто и шляпу, подбросил в печку угля и несколько раз обошел вокруг комнаты; по его лицу пробегали отблески беспокойства. Он ходил взад и вперед, посматривал то туда, то сюда, переставлял с места на место вещи, курил, что-то ворчал себе под нос, словно ожидал чего-то, а оно не появлялось. Для него этим «чем-то» было чувствовать себя в своей шкуре, как он любил выражаться, чтобы избежать слова «вдохновение».

— Садитесь. Можете курить.

Он подождал, когда Форлакруа, по деревенской привычке, достанет папиросу прямо из распечатанной пачки, лежавшей у него в кармане куртки, дал ему прикурить, потом, прежде чем усесться самому, вспомнил об окошке в сарае, через которое он совсем недавно наблюдал за двумя мужчинами. Взглянул на окно своего кабинета, решил закрыть ставни, но не смог распахнуть

окно и ограничился тем, что спустил пыльные шторы.

— Ну вот! — вздохнул он и с явным удовлетворением уселся. — Что скажете, Форлакруа?

«Карусель», как говорили на набережной дез Орфевр, началась. Альбер держался настороженно. Откинувшись слегка назад, поскольку ноги у него были слишком длинны для стула, на котором он сидел, молодой человек смотрел на комиссара и даже не пытался скрыть злость.

— Это вы вызвали мою мать? — после минутного молчания спросил он.

Значит, он видел, как она вылезала из машины или садилась в нее. Видел он и голландца Хораса Ван Ушена.

— Допросить вашу мать было необходимо, — ответил Мегрэ. — Она сейчас в Ларош-сюр-Йон, где пробудет несколько дней. Может быть, вы сумеете ее повидать?

Уставившись на парня, комиссар подумал: «Насколько ты, мой мальчик, ненавидишь отца или того, кто им считается, настолько же безрассудно ты обожаешь мать». И без всякого перехода осведомился:

— Во время последней встречи она призналась, что Форлакруа вам не отец, не так ли?

— Я это уже знал, — буркнул Альбер, глядя на свои сапоги.

— И могу поспорить: уже давно. Сколько же вам было лет, когда вы сделали это открытие? Вам, наверно, было тяжело?

— Напротив!

— Вы ненавидели судью Форлакруа, еще не зная об этом?

— Я его не любил.

А парень осторожен! Взвешивает каждое слово, как крестьянин на ярмарке, и каковы бы ни были его чувства, не горячится, — наверное, знает, что легко входит в раж.

— Так сколько же вам было лет?

— Около шестнадцати. Я тогда учился в люсонском лицее. Меня на несколько дней забрали оттуда. Отец, то есть Форлакруа, пригласил из Парижа знаменитого врача. Сначала я подумал, что для сестры, но оказалось, что и для меня тоже.

— Ваша сестра уже была… необычной?

— Не совсем такая, как все.

— А вы?

Альбер вздрогнул и посмотрел комиссару в глаза.

— Никто никогда не говорил мне, что я ненормальный. В лицее я учился отлично. Врач

осматривал меня несколько часов, делал всякие анализы. Судья стоял позади, беспокоился, возбужденно говорил о чем-то мне непонятном. Что-то упоминал о группах крови — группе А, группе Б. Потом в течение нескольких дней с нетерпением ждал результатов анализов, и когда пришел ответ на бланке парижской лаборатории, судья посмотрел на меня холодно, с ледяной улыбкой, словно скинул наконец с плеч большую тяжесть. — Альбер говорил медленно, взвешивая каждое слово. — В лицее я расспросил старших ребят. Узнал, что у ребенка та же группа крови, что у одного из родителей, и что в некоторых странах это доказательство принимается судом при установлении отцовства. Значит, моя кровь имела другую группу, чем кровь судьи, — заявил он почти с триумфом. — Я хотел сбежать, но у меня не было денег. Меня подмывало уехать к матери, однако адреса ее я не знал, а судья, как только речь заходила о ней, замолкал. Я пошел служить в армию. Когда вернулся, решил жить, как живут здесь все.

— К тому же, ваш темперамент толкал вас к большим физическим нагрузкам, верно? Но скажите, почему вы остались в деревне, где жил судья?

— Из-за сестры. Я снял дом и стал сборщиком мидий. Разыскал судью и попросил отдать мне сестру.

— А он, конечно, отказал!

— Почему вы говорите «конечно»?

Во взгляде Альбера опять сверкнула злоба.

— Потому что судья, похоже, обожает дочь.

— Или ненавидит, — выдавил Альбер сквозь зубы.

— Вы так считаете?

— Меня-то он ненавидит во всяком случае, — ответил парень и вдруг встал. — Какое все это имеет отношение к вашему делу? Вы хотели, чтобы я разговорился, да?

Он пошарил рукой в кармане, но папиросы не нащупал; Мегрэ протянул ему пачку, купленную специально на этот случай.

— Сядьте, Форлакруа.

— Правда, что судья сознался?

— В чем?

— Вы прекрасно знаете, о чем я говорю.

— Он сознался в старом преступлении. Когда-то в Версале он застал вашу мать с мужчиной и убил его.

— Ого!

— Скажите, Форлакруа…

Молчание. Тяжелый взгляд Мегрэ.

— Вы дружны с Марселем Эро?

Снова молчание. Мэр по привычке поставил на столе у Мегрэ бутылку с вином, и комиссар наполнил стакан.

— И что из этого?

— Ничего. Во всяком случае, ничего особенного. Вы примерно одних лет. Он тоже сборщик мидий. Вы, наверное, встречали его в море, на танцах, еще где-нибудь. Я говорю о времени, когда он еще не лазил к вашей сестре в окно.

— Да, мы дружили.

— Вы живете один, так ведь? Довольно необычная для вашего возраста привычка к одиночеству. Дом у вас довольно большой…

— Ко мне каждый день приходит женщина и все прибирает.

— Знаю. А еда? Не станете же вы утверждать, что готовите сами?

Помрачнев, Альбер Форлакруа спрашивал себя, куда гнет комиссар.

— Иногда бывает. Я не чревоугодник. Кусок ветчины, яйца… Перед едой — сотня устриц. Иногда хожу поесть в гостиницу «Порт».

— Странно.

— Что странно?

— Да ничего... Вы! Живете в Эгюийоне, словно в глуши какой-то. Вам никогда не приходило в голову жениться?

— Нет.

— А вашему другу Эро?

— Он мне не друг.

— Больше не друг, это верно. Вы ведь поссорились, когда пошли слухи, что он иногда ночует у вашей сестры?

Тревога Форлакруа стала отчетливо заметна. Вначале, несмотря на злость, он не придавал особого значения вопросам Мегрэ. Теперь он вдруг почувствовал себя так, словно его опутали сетью. К чему подбирается комиссар? Мегрэ налил ему вина, подтолкнул в его сторону пачку папирос.

— Выпейте. Закурите. Осталось совсем недолго.

И Форлакруа решился — это было видно по его лицу.

— Больше ничего не скажу! Отвечать на вопросы не буду.

Мегрэ покружил по комнате, немного постоял, созерцая бюст Республики.

— Вы не голодны?

— Нет.

— Обедали? Я, например, голоден как волк, и

если бы принесли несколько картофелин…

Ну, конечно! Конечно! Дрожи, милый, дрожи! Понятное дело, ты хладнокровен…

— В сущности, вы с Эро вроде двух деревенских петушков. Все девушки должны бегать за вами.

— Я девушками не интересуюсь.

— А вот Эро интересуется. И ему даже случается делать им детей. Узнав, что он любовник вашей сестры, вы, должно быть, возмутились. Не понимаю, как вам удалось не натворить еще чего-нибудь.

— Мы дрались.

— Видимо, неоднократно? Он ведь продолжал свое. Это довольно неприятно. Впрочем, я плохо его знаю. Вот вы знаете его лучше — не кажется ли вам, что Марсель и в самом деле искренне любит вашу сестру?

— Не знаю.

— Во всяком случае, некоторые так думают. Утверждают, что он собирался на ней жениться и даже договорился с судьей. Тогда уж вы, наверное, помирились бы, да? Он стал бы вашим зятем. Жаль, что он убежал: это говорит не в его пользу. Сознаюсь, у меня есть постановление на его арест. Если он невиновен, то почему так внезапно исчез и укрылся на болотах?

Папиросы следовали одна за другой. Порой на дороге слышались тяжелые шаги: люди шли посидеть в кафе «Порт». А «карусель» продолжалась. Время от времени, стоя лицом к стене, Мегрэ позволял себе выглядеть обескураженным. Ему доводилось проводить часы лицом к лицу с изворотливыми хитрецами, которые за словом в карман не лезли. Самый знаменитый его допрос на набережной дез Орфевр длился двадцать семь часов; он и двое его инспекторов сменяли друг друга, не давая подозреваемому ни минуты передышки. Но никогда еще, пожалуй, ему не приходилось сталкиваться с таким инертным, непробиваемым человеком, как Альбер Форлакруа.

— Марсель, кажется, единственный ребенок? И мать его вдова? Есть у нее хоть какие-нибудь сбережения? Спрашиваю потому, что если его признают виновным, жить этой бедной женщине…

— За нее не беспокойтесь. Она богаче большинства жителей Эгюийона.

— Тем лучше! А то, чем больше я думаю… Постойте! Хотите, между нами, я расскажу, как все происходило? Только подождите минутку, я позвоню. Чуть было не забыл, а дело важное. Алло!..

Мадемуазель? Да, это я… За мной конфеты… Нет, верно, вы предпочитаете засахаренные каштаны. Короче, мой долг растет. Отдел закрыт — знаю. Дайте мне, пожалуйста, Нант… Да, опербригаду… Благодарю вас.

Вперед! Не упускать ниточку! На Форлакруа нужно давить, не давая ему опомниться.

— Сперва он хотел только поразвлечься, что в его возрасте вполне понятно. Его очень интриговало, что ваша сестра не такая, как все. Потом он влюбился. Стал подумывать о женитьбе. Он вам об этом не говорил?

— Мы не разговаривали.

— Да, я и забыл. Но раз он встретился с вашим отцом, он мог поговорить и с вами, сказать, что все не так, как вы думаете, что у него серьезные намерения… Наконец-то! Но если вы утверждаете, что он этого не сделал… Алло… Да, говорит Мегрэ… Послушайте, я хотел бы попросить вас об одной услуге… Нет ли у вас адреса служанки доктора Жанена? Отлично! Дело вот в чем… Правда, это не совсем по правилам… Нужно бы, чтобы она согласилась по своей воле, иначе завтра за ней приедет судебный следователь… Я хотел бы, чтобы вы доставили ее ко мне… Да, сегодня ночью… Да тут всего километров двадцать… Куда?

Я буду, скорее всего, в мэрии… Нет, ей ничего не говорите… Спасибо!

Мегрэ положил трубку и заговорил с самым сердечным видом.

— Прошу прощения… Формальность, о которой я забыл… Предположим, что жандармы с минуты на минуту задержат Эро. Должны же его найти! Какого черта! Ведь болота — не пустыня. Так вот, я подхожу к своей мысли. Марсель готов жениться. Мать отговаривает его от женитьбы на ненормальной девушке. Он, несмотря на любовь, тоже немного беспокоится…

В комнате стало жарко, печь гудела. Но от жары ли на лбу у Форлакруа выступили капельки пота?

— Тогда он вспоминает, что старый его приятель, с которым он плавал на «Мстителе», открыл врачебную практику в Нанте. Он едет к нему. Спрашивает совета. Но заочно Жанен ничего не может сказать. Они решают, что он приедет осмотреть девушку.

Альбер затоптал окурок и снова закурил.

— Признайтесь, что психологически это верно. Я не знаю вашего бывшего друга Эро так хорошо, как вы. Он, прежде всего, крестьянин. От природы осмотрителен. Он действительно хочет женить-

ся, но в то же время хотел бы убедиться, что его будущая жена не совсем сумасшедшая. Что вы об этом думаете?

— Ничего, — сухо отпарировал Альбер.

— Допивайте свой стакан. Вы еще не проголодались? По моему мнению — может быть, я и ошибаюсь, — по моему мнению, Марсель не осмелился объясниться на этот счет с вашим отцом. Тот, грубо говоря, отдает ему дочь, но отдает такой, какая она есть. К тому же, будь она здорова и нормальна, он, скорее всего, не выдал бы ее за сборщика мидий. — И тут Мегрэ сделался вульгарным, расхохотался, словно коммивояжер, рассказывающий сальные анекдоты. — Представьте нашего Эро, который заявляет будущему тестю: «Согласен! Вы очень любезны. Я беру вашу дочь, но при условии проведения экспертизы».

Полный ненависти взгляд Альбера. Комиссар делает вид, что не замечает.

— И вот он решает провести осмотр девушки без ведома судьи. Именно поэтому, как мне кажется, он выбирает вторник. Этим вечером в течение нескольких часов Форлакруа будет находиться в большой комнате на первом этаже со своими приятелями и приятельницами. Они громко разговаривают. Пьют. Смеются. Никто не узнает, что

происходит наверху. Вот только одно не дает мне покоя, Альбер. Вы позволите называть вас так? Да, мне не дает покоя одна деталь. Я знаю, что Жанен оригинален и — что там говорить! — горячая голова. Однако есть правила, которые все врачи обязаны тщательно соблюдать. Теперь посмотрите, как связаны между собой события, и скажите, нет ли тут какой-нибудь несообразности.

Комиссару тоже стало жарко; он вытер пот и набил трубку. В эти минуты он понял, каких усилий стоит артисту мюзик-холла владеть залом, любой ценой подолгу держать публику в напряжении. А ведь перед ним сидел только один человек. Но каким неблагодарным зрителем он был! Одним из тех, что заранее заявляют: «Это дурак! Меня не проведешь!»

— Да вы послушайте, дорогой Форлакруа. Жанен вылезает из машины. Эро, по-видимому, назначил ему свидание где-то на улице, неподалеку от гостиницы «Порт». Он убежден, что никто не должен знать об этом визите. Почему Жанен счел необходимым зайти в кафе и заказать себе ужин? Но вот он выходит. Встречает Марселя. К Форлакруа идти еще рано. Гости пока не съехались. Застать девушку одну до девяти вечера невозможно. Скажите, что они могли делать

все это время? Шел дождь. Не думаю, чтобы они несколько часов гуляли в темноте. К тому же, следует заметить, что в Эгюийоне никто их не видел. А ведь они все-таки поели! Во всяком случае, Жанен — тому есть доказательство. Хотя это и тайна следствия, вам я могу сказать. При вскрытии у него в желудке нашли остатки обильной трапезы. Так где же они могли подзаправиться? — Мегрэ, расхаживавший по комнате, вдруг остановился и сильно хлопнул Форлакруа по плечу.

— И это еще не все, старина! Вот гости наконец в доме. Бренеоль с женой и дочкой, Марсаки. Момент настал. Но еще надо оказаться рядом с вашей сестрой Лиз, находящейся в своей комнате на втором этаже. Марсель — тот привык взбираться на стену. Вопрос вот в чем: неужели доктор Жанен, каким бы оригиналом он ни был, тоже решил карабкаться по фасаду дома? Увы, это единственно возможное предположение… А Эро был с ним вместе? Был, во всяком случае до полуночи, когда, скорее всего, произошла драма, и представили этому доказательство вы.

— Я?

— Ну, конечно, старина! Забыли свое заявление? Заметьте, что судья подтвердил его во всех деталях. Когда он поднялся на второй этаж,

после того как гости разъехались, то есть около полуночи, он застал вас сидящим на последней ступеньке.

Молчание. Еще одна трубка. Еще угля в печку.

— А вообще-то почему, рассорившись с судьей, вы сохранили ключ от его дома?

— Чтобы заходить к сестре.

— В тот вечер вы с ней виделись?

— Нет!

— И не слышали никакого шума ни в комнате, ни в кладовке для фруктов, о дверь которой вы практически опирались? Вот почему я утверждаю, что к этому моменту все было кончено. — Большими глотками комиссар выпил полный стакан вина и утер губы. — Это ставит судью Форлакруа вне подозрений, но он и так ни при чем. Сколько времени вы провели в доме до ухода гостей? Думаю, немного — вы ведь знали, когда они обычно уезжают.

— Минут пять-десять.

— Минут пять-десять. А они играли в бридж. В бридже всегда есть выходящий. В течение вечера Форлакруа, воспользовавшись тем, что он выходящий, мог подняться наверх, чтобы убедиться, что все тихо. Он натыкается на незнакомого человека. Под рукой у него оказывается молоток.

Он наносит удар…

— К чему вы клоните? — удивился Альбер Форлакруа.

— Ни к чему, мы просто беседуем. Я давно хотел поговорить с вами обо всем этом. Напрашивается вопрос: вошел ли Марсель Эро в дом одновременно с врачом?

— Вы у меня спрашиваете?

— Да нет же! Откуда вам знать?.. Итак, он мог войти вместе с ним и присутствовать при консультации. Мог просто прийти объявить о визите вашей сестре Лиз, которая, когда у нее нет припадка, вполне разумна. Вот видите, старина, возможны любые допущения. Если Эро вошел в дом, он вполне мог поспорить с Жаненом. Например, в случае, если тот заявил: «Вы не можете жениться на этой девушке». Но он ее любит! И решил посоветоваться с врачом. Но кто знает: в тот миг, когда Жанен сказал ему, что… В конце концов и ваша сестра сама могла…

— Вы считаете, что моя сестра способна…

— Успокойтесь! Повторяю, мы просто беседуем. Разбираем любые возможности… Жанен выслушивает ее, задает вопросы — точные, а может, и нескромные, которые как врач считает себя вправе задавать. И вдруг припадок… И боясь, что

врач помешает Марселю жениться на ней…

Уф! Щеки у парня покраснели, глаза заблестели.

— Вот почему так интересно знать, был Эро в доме или остался на улице. Совершенно очевидно, что бегство не говорит в его пользу. Когда не в чем себя упрекнуть, прячутся редко. Разве что… — Казалось, комиссар глубоко задумался, потом снова ударил собеседника по плечу. — Ладно! Ответит, когда его задержат. Предположим, он остался на улице. Ждет. Приятель не возвращается… И вот посреди ночи он взбирается на стену, проникает в кладовку и находит труп врача. Он уверен, что убила Лиз. Начинается расследование. Он боится, что ее заподозрят. Он любит ее. И чтобы отвести подозрения от невесты, делает вид, что сбежал. Это средство, чтобы выиграть время — а вдруг дело заглохнет? Что вы на это скажете?

— Ничего!

— Вы, очевидно, понятия не имеете, где прячется Эро. Пока не отвечайте. Вы были его другом. Он собирался стать вашим зятем. Ему ясно, что вам не хочется, чтобы он попал в руки правосудия. Я говорю «ясно» в человеческом смысле, однако он не может быть так же уверен в смысле правовом. Улавливаете? Предположим, вы виделись

с Эро после его побега и не сказали об этом. Это лишь предположение: может быть, он уже где-то далеко. Из всего этого трудно было бы не сделать определенные выводы.

— Какие выводы? — медленно спросил Альбер, сняв ногу с колена и снова положив ногу на ногу. Сигаретный пепел упал ему на куртку.

— К примеру, можно было бы подумать, что вы хотите спасти свою сестру и себя самого. Вы сидели на ступеньках минут пять-десять, но доказательства у нас нет. В тот вечер вы не заходили в кафе.

— После девяти не заходил.

— Так сложилось, что у вас есть ключ от комнаты сестры. Вы сами признались, что ключ от входной двери вы сохранили, чтобы навещать девушку. Этот ключ вам был бы не нужен, если бы внутри… Но второй ключ вы, конечно, потеряли, поскольку однажды вечером я видел, как вы высадили дверь плечом. А может быть, вы были просто слишком взволнованы или это так, для разнообразия?

Молчание. Уставившись в пыльный пол, молодой человек размышлял. Когда он поднял голову, решение было принято.

— Это допрос?

— Как захотите, так и будем считать.

— Я обязан отвечать?

— Нет.

— В таком случае я ничего не скажу, — заявил Альбер и затоптал сапогом окурок.

Мегрэ несколько раз обошел комнату, убедился, что вина в бутылке больше нет, и стал набирать номер.

— Вы еще не легли, мадемуазель? Дайте мне, пожалуйста, кафе «Порт»... Спасибо... Алло! Это вы, Тереза?.. Позовите инспектора Межа, детка... Межа?.. Послушай... Ступай-ка к дому Альбера Форлакруа... Пройдешь через двор. В глубине увидишь нечто вроде сарая. Там на тюфяке спит мужчина... Нет, думаю, он не опасен, но меры предосторожности все же прими... Да, надень наручники, так надежнее... И приведи его ко мне... Вот именно... Форлакруа? Нет, возражать он не будет... Он здесь. Он согласен.

Мегрэ улыбнулся и положил трубку.

— Инспектор Межа боялся, что вы пожалуетесь на нарушение неприкосновенности жилища. Конечно, права мы не имеем, тем более ночью, без постановления. Папиросу? Правда, не хотите? Если бы я сам туда пошел, то, боюсь, не удержался бы и отрезал сочную сосиску — из тех, что висят

над очагом… Свинью давно резали? — осведомился он с интересом.

Глава 10
Чем угостила бы Дидина?

Бежали минуты, а Мегрэ, казалось, забыл о своем собеседнике; он вытащил из кармана часы, неторопливо завел, с преувеличенной осторожностью отсоединил цепочку и положил вместе с часами на стол, словно решив, что теперь времени будет иметь большое значение.

Проделав это, он стал ждать. Альбер Форлакруа сидел, не шевелясь, и молчал. Ему, наверно, было неудобно на расшатанном стуле, явно хотелось переменить позу, может быть, почесать щеку или нос, положить ногу на ногу. Но Мегрэ сохранял неподвижность, и Форлакруа упорно старался ему подражать.

Со своего места он не видел комиссара, который притворялся, будто весь поглощен созерцанием огня в печке. Но надо думать, Альбер изумился бы, заметив на лице Мегрэ легкую, чуть ли не озорную улыбку. Это же всего-навсего профессиональный прием, цель которого — привести допрашиваемого в замешательство.

Шаги во дворе. Мегрэ подошел и тихо открыл

дверь. Перед ним стоял Марсель Эро в наручниках, в которые вцепился раздувшийся от важности инспектор Межа; в темноте за его спиной маячил жандарм.

Марсель не выглядел взволнованным; он хлопал глазами, но всего лишь от неожиданно яркого света. Войдя, он остался стоять, Форлакруа продолжал сидеть.

— Отведи его куда-нибудь, — обратился комиссар к Межа, указывая на Альбера.

Рядом находился зал для танцев; он был недавно побелен, под потолком висели бумажные гирлянды, вдоль стен стояли скамейки для мамаш. Оба помещения соединялись застекленной дверью.

— Садитесь, Эро. Через несколько секунд я к вашим услугам.

Но верзила предпочел постоять. Мегрэ отдавал распоряжения: поставил жандарма караулить Форлакруа, послал Межа за сандвичами и пивом. И все это как в замедленном темпе. Форлакруа и Эро, должно быть, удивляло поведение комиссара. Тем не менее это уже не могло им помочь: они попались на удочку.

Обладает ли Марсель Эро чувством юмора? В это вполне можно поверить. Судя по виду, на него

не произвела никакого впечатления невероятная флегматичность комиссара. Все так же стоя, он следил взглядом за Мегрэ, и на губах его блуждала смутная улыбка.

Позади застекленной двери Форлакруа сидел на скамье, привалясь спиной к стене и вытянув ноги, а жандарм, который всерьез воспринял свою роль, уселся напротив и не спускал с него глаз.

— Давно вы прятались у своего друга Альбера? — внезапно спросил Мегрэ, даже не поворачиваясь к Эро, и тут же, не успев еще договорить, почувствовал, что ответа не будет. Выждав секунду, он повернулся к задержанному.

— Я что, арестован? — поинтересовался тот, бросив взгляд на наручники.

— Вот постановление, подписанное следователем.

— В таком случае я буду отвечать только следователю в присутствии своего адвоката.

Мегрэ без тени удивления оглядел его с головы до ног.

— Входи! — крикнул он постучавшемуся Межа, у которого руки были полны свертков и пакетов.

Комиссар разложил на столе паштет, ветчину, хлеб, поставил бутылку с пивом. Межа зашептал ему на ухо.

— Говори вслух, — буркнул комиссар.

— Во дворе стоит Тереза. Видимо, что-то подозревает. Она меня напрямую спросила, арестовали ли мы его.

Мегрэ пожал плечами, сделал себе сандвич, налил пива и еще раз оглядел Эро с головы до ног. Да, говорить его не заставишь, тут сомнений нет.

— Межа, отведи-ка его туда же. Да скажи жандарму, чтобы не давал им переговариваться. А сам возвращайся.

Мегрэ расхаживал по комнате, жевал, что-то бормотал, сутулился. Всякий раз, подходя к двери, он видел в просторном белом зале обоих задержанных, сидевших на скамье, и жандарма, который, нахмурясь, не сводил с них глаз.

— Все в порядке, шеф? — поинтересовался вернувшийся Межа и тут же умолк: ему хватило взгляда, брошенного на него комиссаром. Инспектор еще не привык к своему начальнику и не знал, как себя вести. А Мегрэ жадно откусывал огромные куски, жевал, ходил, останавливался около двери и сквозь стекло смотрел на своих пленников. Вдруг он повернулся к Межа.

— Поди-ка, поищи Дидину.

— Да ее и искать не надо. Когда я сюда шел, она уже стояла тут на часах.

— Пригласи.

— А Терезу?

— Разве я называл Терезу?

Сухонькая старушка почти тут же вошла в танцевальный зал, остановилась перед обоими мужчинами и с удовлетворением оглядела их. Особенное удовольствие доставили ей блестящие наручники на Марселе Эро.

— Заходите, Дидина. Вы мне нужны.

— Все-таки вы его сцапали!

— Садитесь, Дидина. Пива я вам не предлагаю.

— Я его не люблю… Значит, вы его арестовали?

— Послушайте, Дидина… Не торопитесь с ответом. Это очень важно… А ты, Межа, или сядь, или пойди погуляй. Чего ты с дурацким видом торчишь тут как столб? Так вот, сударыня, представьте себе, что во второй половине дня вам неожиданно сообщают: к вам кто-то приезжает обедать. Кто-нибудь из города. Что вы станете делать?

Человек, плохо знавший Дидину, предположил бы, что она хотя бы удивится неожиданному вопросу. Но нет, у нее только лицо как бы вытянулось, заострилось от напряженного раздумья. И ее не надо было предупреждать, чтобы она не торопилась с ответом. Дидина ничуть не спешила.

— А что это за кто-нибудь? — поинтересовалась она.

— Вполне почтенный человек.

— И мне сообщают только во второй половине дня? В котором часу?

— Скажем, в половине пятого или в пять.

Эро, Форлакруа и жандарм смотрели сквозь застекленную дверь в комнату, но были в таком же положении, как Мегрэ днем: видели движения губ, но долетали до них только слабые неразличимые звуки.

— Не знаю, поняли ли вы меня. Вам известно, что можно добыть в Эгюийоне, известны здешние обстоятельства. Вы знаете, какие продукты и в какое время можно здесь найти.

— Резать курицу уже поздно, — словно рассуждая вслух, начала Дидина. — Мясо не успеет отмякнуть. К тому же ощипывать и потрошить займет слишком много времени. А какой день вы имеете в виду?

Межа от удивления разинул рот. Но на лице Мегрэ не появилось и тени улыбки.

— Вторник.

— Ага, начинаю понимать. Тот самый вторник, не так ли? Да, там был один любопытный факт. Я еще обратила на него внимание мужа. Я ему

сказала: этот человек где-то плотно поел. Но не в ресторане и не у судьи.

— Дидина, отвечайте на мой вопрос. Что бы вы приготовили во вторник?

— Ну, уж не мясо. У нас скот режут по понедельникам. Во вторник мясо еще слишком свежее. Может оказаться жестковатым. Погодите! А что там с приливом в тот вторник? Наивысший уровень был в восемь вечера, не так ли? Значит, Полит был у себя… Тогда я побежала бы к Политу. Он ставит сети в утренний прилив и возвращается около полудня. Если у него есть хорошая рыба…

— Где живет этот Полит?

— Дома вы его не найдете. Он в кафе. Но не в портовом, а в том, что напротив.

— Слышал, Межа?

Ни слова не говоря. Межа вышел. Старуха продолжала:

— Если у Полита найдется две-три неплохих камбалы или крупный солнечник, тогда уже можно принимать кого угодно. Особенно, если в доме есть окорок. Но… Постойте, комиссар! Ведь есть не только Полит. Если вам по вкусу чибисы, можно заглянуть к папаше Руйону, который каждое утро ставит силки…

А за дверью все те же трое. Взгляд у Форлакруа мрачный. Эро, хоть и в наручниках, курит папиросу и щурится от дыма.

— Но только, чтобы приготовить чибисов, нужно…

Межа прошел через танцевальный зал в сопровождении тощего длинноносого рыбака с лицом кирпично-красного цвета, который остолбенело остановился около Марселя.

— Смотри-ка! Тебя, кроме шуток, сцапали?

— Входите! — приказал Мегрэ. — Вас зовут Полит?

Полит с тревогой глянул на Дидину. Что она могла такого наболтать, что его притащили сюда?

— Вот что. Полит, припомните-ка прошлый вторник.

— Вторник? — переспросил рыбак с ничего не понимающим видом.

— День ярмарки в Сен-Мишеле, — уточнила Дидина. — Это когда высота прилива сто восемь…

— А, вы хотите знать, что я делал в тот день?

— Наклюкивался, небось, как и в другие дни, — не утерпев, съязвила Дидина.

— Где вы были во второй половине дня?

— В бистро, где же еще! Если бы можно было,

он там бы и спал. Верно, Полит? — не унималась старуха.

— Меня интересует, не приходил ли кто-нибудь к вам во второй половине дня и не просил ли продать рыбы?

Форлакруа мрачно смотрел из танцевального зала. Полит задумался и повернулся к Дидине, как бы спрашивая у нее совета.

— В день прилива сто восемь… А ты-то, случайно, не помнишь? — с обезоруживающей наивностью спросил он у Дидины. И вдруг, обернувшись к двери, хлопнул себя по лбу, и на лице у старухи расцвела торжествующая улыбка — Так ко мне же Альбер приходил, — сообщил Полит. — Я запомнил, потому как он торопился. Я как раз играл с Дево и Френьо. Сказал ему: «Погоди минутку», — но он не захотел ждать, и тогда я добавил, чтобы он пошел и взял рыбу у меня в лодке.

— Сколько штук камбалы он взял?

— Даже не знаю. Я только сказал, чтобы он пошел и взял. Он еще и не рассчитался со мною.

— Это все, что я хотел узнать. Можете идти. Кстати… Дидина, скажите, где живет служанка Альбера Форлакруа?

— А это как раз его дочка.

— Полита?

— Да. Но она не живет с отцом. Если хотите повидать ее, поторопитесь: она рано ложится. Тем более что для разнообразия ждет прибавления семейства. Это с ней каждый год случается.

— Межа, ну-ка приведи ее. Да будь с ней повежливей.

Мегрэ чувствовал все большее возбуждение. Полит стоял у двери, ожидая разрешения уйти. Он вышел вместе с инспектором и показал ему хибару дочери.

— И как только мужчины не брезгуют ею! Да вы сами ее увидите. Но, может, она приведет себя в порядок, прежде чем прийти… Если бы мне пришлось есть то, что она приготовила…

Дидина умолкла, с удивлением глядя на комиссара, который замер, не слыша, не видя ее. Его осенила мысль. Внезапно он бросился к телефону.

— Мадемуазель, вы еще не легли?.. Алло!.. Соедините меня с виллой «Альберт Первый» в Ларош-сюр-Йон… Номер сорок один… Звоните, пока кто-нибудь не ответит. Уж дежурная-то сестра там должна быть… Да, благодарю вас…

Он забыл про Дидину, а она, все такая же услужливая, не отставала:

— Вы думаете, это Марсель? Я знаю их обоих, и

если вы спросите моего мнения…

— Тихо! — с яростью цыкнул Мегрэ. Он не спускал глаз с телефонного аппарата. После стольких часов, дней розыска… — Алло! Это дом отдыха «Альберт Первый»?.. Кто у телефона?.. Скажите, мадемуазель, доктор еще на месте?.. Ах, дома… Вы не можете соединить меня с его квартирой? — Щеки у Мегрэ раскраснелись, он грыз черенок трубки, уставившись невидящим взглядом на Дидину. — Алло! Это вы, доктор?.. Ужинаете? Прошу прощения… Да, это комиссар Мегрэ. Я хотел бы спросить… Вы, разумеется, обследовали ее… Как? Гораздо тяжелее, чем может показаться?.. Нет, речь не об этом. Мне хотелось бы узнать, не обнаружили ли вы чего-нибудь неожиданного… Да… Что?.. Вы уверены?.. Три месяца?.. Благодарю вас, доктор… Да, конечно, составьте официальное заключение… Она спокойна?.. Благодарю. И еще раз простите, что потревожил вас.

Мегрэ был возбужден до предела. Обнаружив, что свидетельница все так же сидит на стуле, он бросил ей:

— А теперь, дорогая Дидина, можете идти. Вы были чрезвычайно любезны, но пока вы мне не нужны.

Старушка с явным сожалением поднялась, но

уходить не собиралась.

— А ведь я догадалась, что он вам сказал.

— Тем лучше для вас. Ступайте. Если хочется, подождите рядом.

— Она тяжелая, да?

Мегрэ не поверил своим ушам. Нет, право, эта старуха пугает его.

— У меня нет времени беседовать с вами. Идите. А главное, помалкивайте.

Мегрэ распахнул перед ней дверь и не успел захлопнуть, как появился Межа, сопровождавший особу с сальными волосами, рассыпавшимися по плечам.

— Не хотела идти. Видите ли, спать собралась.

В эту минуту произошел небольшой инцидент. При виде своей служанки Форлакруа вскочил, словно собираясь вмешаться. Жандарм совершил ошибку, схватив его за руку; Форлакруа овладел собой и сел на место.

— Прекрасно! Я вас не задержу. У меня к вам всего один-два вопроса. В котором часу вы кончаете работу в доме Форлакруа?

— Когда в три, когда в четыре.

— Значит, ужин ему готовите не вы?

— Я ему вообще не готовлю. Он сам этим занимается. Ему это нравится.

Последняя фраза прозвучала то ли иронически, то ли презрительно.

— Но посуду, надо думать, моете вы?

— Вот грязь — это по моей части. А уж чего-чего, ее-то в доме хватает! Посмотреть на мужчин со стороны — все прекрасно. А начнешь за ними убирать…

— У него часто бывали гости?

— У кого?

— У вашего хозяина.

— Да отродясь не бывало. Кто к нему пойдет!

— И ни разу утром вы не находили много грязной посуды?

— Было раз на прошлой неделе.

— Утром в среду, да?

— Кажется, в среду. Пепла было полно повсюду. Они курили сигары.

— Не знаете, кто у него был?

Машинально поддерживая обеими руками живот, она повернулась к застекленной двери и в простоте душевной поинтересовалась:

— А чего вы у него самого не спросите?

— Благодарю вас. Можете идти спать.

— Это он, что ли, пришиб? — В ее вопросе не было ни удивления, ни страха, ни, пожалуй, даже любопытства. Она тут же пояснила: — Я вас

спрашиваю, чтобы знать, приходить мне завтра к нему или нет.

За оградой мэрии на улице раздавались голоса. Люди что-то пронюхали. Они стояли кучкой и смотрели на кремовые шторы, на которых время от времени появлялись тени, чаще всего плотный силуэт Мегрэ, чья трубка временами, когда он вставал под определенным углом к свету, казалась гигантской, чуть ли не больше головы.

— Похоже, обоих арестовали, — сообщила любопытным отпущенная домой дочка Полита.

Ей так хотелось спать, что она не стала задерживаться, и в тишине еще долго раздавался стук ее сабо по смерзшейся щебенке. Дверь открылась. На пороге появился Межа, кого-то высматривая в темноте.

— Тереза здесь? — спросил он.

Откуда-то из черноты вынырнула фигура.

— А что от меня нужно?

— Зайдите. Комиссар хочет поговорить с вами.

Проходя мимо Марселя, она глянула ему в глаза, но рта не раскрыла.

— Входите, Тереза. Не бойтесь. Я хочу задать вам один вопрос. Вы знаете, что Лиз Форлакруа беременна?

Тереза резко повернулась к застекленной две-

ри, и на миг показалось, что сейчас она кинется к ничего не понимающему Эро.

— Неправда, — спохватилась она. — Вы хотите меня обмануть.

— Уверяю вас, Тереза, Лиз Форлакруа на четвертом месяце беременности.

— Так вот почему… — почти прошептала она.

— Что «почему»?

— Почему он хотел на ней жениться.

— Значит, вы признаете, что он хотел на ней жениться? Однако он не объяснил вам причины? Теперь вы ее знаете. Вам известно, что…

— А у меня, что, нет ребенка? Я, что, хуже дочери судьи? Чего же он на мне не женился?

На нее, должно быть, любопытно было смотреть через застекленную дверь: видно, что она разозлилась, а почему — непонятно.

— Так вот знайте: еще в тот вечер…

— И что же вы ему сказали в тот вечер?

— А то, что если он женится на ней, я вместе с его сыном приду в церковь и устрою скандал.

— Простите. Вы это сказали ему вечером во вторник? Где?

На миг она заколебалась, но потом передернула плечами.

— На улице.

— В котором часу?

— Незадолго до полуночи.

— А где на улице вы его встретили?

Она в бешенстве еще раз оглянулась на дверь.

— Ладно, расскажу. Будь что будет! Около десяти, когда я пошла спать, я увидела в окошке барышни свет…

— В окне ее комнаты или в окне кладовки для фруктов?

— В окне комнаты.

— А вы уверены, что не перепутали?

— Будьте спокойны, уверена, — саркастически усмехнулась она. — Я столько раз за ними следила… Я попыталась уснуть, но не смогла. Тогда встала и решила подождать его на улице.

— Зачем?

— Да все за тем же, — устало бросила Тереза.

— Вы угрожали ему только тем, что устроите скандал в Церкви?

— Нет, еще сказала, что покончу с собой у него в доме.

— И сделали бы это?

— Не знаю… Я незаметно вышла. Шел дождь. Мне даже пришлось натянуть пальто на голову. Я все думала, долго ли он там пробудет. Останься он надолго, я, наверно, полезла бы к ним.

— И что же дальше?

— Я шла и говорила сама с собой. Со мной это часто бывает. Вперед я не смотрела, потому что на улице было пусто. И вдруг я на кого-то наткнулась. Оказалось, он. От неожиданности я даже вскрикнула.

— Где он был?

— У стены, на задах дома судьи.

— Что он там делал? Выбирался из дома?

— Нет. Ничего не делал. У него был вид, будто он за кем-то следит. Я спросила, чего он ждет.

— Что он ответил?

— Ничего. Он со злостью схватил меня за руки. «Если будешь еще шпионить за мною, — крикнул он, — я не знаю, что с тобой сделаю»!

— Который был час?

— Что-то около полуночи, я вам уже говорила. А может, уже и первый.

— В комнате еще горел свет?

— Не знаю. С того места не видно: стена закрывает. «Ступай спать, стерва! — кричал он мне. — Ясно? И если я еще хоть раз…» Он никогда так на меня не ругался.

И снова взгляд сквозь стекло. Эро ничуть не утратил спокойствия. Жандарм снова дал ему папиросу, и Марсель из-за наручников держал ее,

вывернув ладони наружу.

— Тереза, вы не подождете рядом? Возможно, вы мне еще понадобитесь.

Когда дверь за нею закрылась. Межа произнес:

— Слушайте, шеф! Мне кажется…

— И что же тебе кажется?

— Мне кажется, что…

Бедняга! Он хотел проявить вежливость, хотел поздравить Мегрэ с достигнутым результатом, но наткнулся на хмурый взгляд.

— Ну, ну? Что же тебе кажется? Говори, говори! Может быть, ты мне сейчас найдешь улику? Иди-ка лучше, принеси пива. Или нет! Притащи водки, кальвадоса, рома, чего угодно… Который час?

Было уже начало первого, и на улице остались только трое зевак, они топтались у калитки в надежде узнать наконец правду.

Глава 11
Служанка врача

Гул мотора, визг тормозов, хлопанье автомобильной дверцы. Через несколько секунд в танцевальный зал вошли два инспектора и совершенно ошеломленная женщина лет тридцати.

— Простите, комиссар. По дороге лопнула шина, а домкрат не исправлен. Мы…

— Она? — перебил Мегрэ, глядя на женщину, которая потерянно озиралась, но, похоже, ничего не видела.

— Она не хотела ехать: у нее больна золовка. Пришлось пообещать, что мы доставим ее обратно этой же ночью.

Внезапно женщина увидела наручники и приглушенно вскрикнула.

— Узнаете его? — спросил комиссар. — Хорошенько присмотритесь… Скажите, этот человек недавно приходил к вашему хозяину?

— Да, я узнаю их, — ответила она, взяв себя в руки.

— Вы… Как вы сказали? Вы их узнаете?

— Ну да. Я узнала обоих. Они приходили вме-

сте.

— И оба вошли в кабинет к доктору?

— Да, оба. Но не сразу, потому что доктора не было. Я посоветовала зайти на следующий день, но они предпочли больше двух часов ждать в приемной.

— Так, так! — пробормотал Мегрэ. — Вы мне больше не нужны.

— Ее можно отвезти? — спросили несколько раздосадованные инспекторы.

— Как вам угодно. Хотя подождите. Межа принес выпить. Только не знаю, хватит ли стаканов.

Дидина встала, тронула Мегрэ за рукав и шепнула:

— В шкафу.

— Что в шкафу?

— Стаканы. Тут всегда есть несколько штук на случай заседания муниципального совета. Хотите, я их протру?

Все-то она знает, все видит, все слышит!

Полицейские чокнулись. Служанка доктора замерзла, поэтому ей тоже налили немножко водки; она отхлебнула, поперхнулась и закашлялась.

Мегрэ возбужден. Межа следит за ним с некоторым беспокойством; чувствуется, что комиссар

напряжен до предела. Вдруг Мегрэ распахивает дверь. Инспекторы ушли. Машина уехала.

— Эй ты, иди сюда! — неожиданно грубо крикнул он, обращаясь к Эро. — Межа, сними с него наручники. У него в них совершенно идиотский вид… Входи! Закрой дверь, Межа. А ты кончай хитрить. Мне это уже осточертело. Да, осточертело. — Это было так неожиданно, что Марсель растерялся. — Небось, думаешь, какой ты умный, и доволен собой, да? Ну, конечно! Ты посмотри на себя в зеркало! И сделай милость, перестань переминаться с ноги на ногу, как медведь. Чем занимался твой отец?

Эро так удивился этому вопросу, что, несмотря на решение не отвечать, буркнул:

— Разводил устриц.

— И ты тоже разводишь устриц. И небось воображаешь, будто дочь судьи — это что-то необыкновенное? Но тебе и в голову не приходит, что ты просто глупец, над которым все смеются. Когда помирился с тобой Форлакруа?

Враждебное молчание.

— Ладно, не отвечай. От этого ты выглядишь еще глупее.

На этот раз возбужденный Мегрэ говорил в полный голос, так что его, несомненно, было слышно

за дверью — может быть, не каждое слово, но смысл, во всяком случае, был понятен.

А комиссар продолжал говорить, вышагивая по комнате и грызя черенок трубки, и с таким неистовством подливал себе в стакан водки, что у Межа даже дух перехватывало.

— Можешь вообще не отвечать. Впрочем, ты настолько глуп, что ничего и сказать-то не сумеешь. Мало тебе было истории с Терезой? Ты ведь чуть было не женился на ней, да? Об этом знали все. Но все знали еще кое-что, чего не знал ты.

— Знал.

— Что?

— Что она встречалась с другими мужчинами.

— Отлично! Поэтому ты на ней не женился. Разумный поступок. Ты понял, что тебя хотят надуть. Но Тереза всего лишь служанка в гостинице, дочь женщины, которая торгует рыбой вразнос. Зато другая…

На лице Марселя появилось угрожающее выражение, и Мегрэ, несмотря на наигранное возбуждение, бросил быстрый взгляд на сжавшиеся кулаки верзилы. Уж не для того ли он на миг отвернулся, чтобы скрыть промелькнувшую улыбку? И не потому ли отхлебнул большой глоток, чтобы не сбиться с тона?

— Молодому человеку лестно быть любовником барышни Форлакруа, дочери судьи, которая играет на фортепьяно…

— Послушайте, комиссар…

— Заткнись! Ты будешь говорить только в присутствии своего адвоката. Ты же сам это заявил… Молодой человек влюблен. Молодой человек пыжится от гордости. И когда папенька Форлакруа, карауливший за дверью, приглашает его зайти, молодой человек превращается в лепечущего младенца. «Как! Вы любите мою дочь. О чем же разговор? Она ваша. Вручаю ее вам. Женитесь на ней». Что, так оно и было, да? А здоровенный младенец, способный кулаком убить быка, ничего не видит дальше собственного носа. «Да, месье, я женюсь на ней! Да, месье, я честный человек, у меня самые серьезные намерения». Он так взволнован, так счастлив, так горд, что не может удержаться и бежит разыскивать своего врага Альбера Форлакруа, который неоднократно грозился набить ему морду «Вы принимали меня не за того, кто я на самом деле. Я хочу жениться на вашей сестре. Помиримся.»

За стеклом двери Форлакруа, вытянув шею, силился ловить каждое слово, а сухонькая Дидина вся подалась вперед, сидя уже на самом краешке

скамейки.

— Так вот, мой мальчик, могу тебе сообщить, что они оба обвели тебя вокруг пальца. А ты до сих пор так и не понял? Ты был убежден, что они оценили твои достоинства и потому раскрыли тебе объятия. И только твоя старуха мать что-то заподозрила. Я убежден, что ты разозлился на нее, когда она посоветовала тебе быть благоразумней и не слишком ликовать. «Уверяю тебя, мама, Лиз вовсе не сумасшедшая, это просто болтовня. Когда она будет счастлива, когда за нею будет уход…» Ну, и прочее слюнтяйство. Господи, какой дурак!

Мегрэ оглядел с головы до ног своего тяжело дышавшего собеседника и подмигнул Межа, который никак не мог понять, что все это значит.

— Искорку здравого смысла, уверен, зажгла в тебе твоя мать. Впрочем, что она, бедная, могла поделать с такой упрямой да еще потерявшей от радости голову орясиной, как ты? «Покажи ее хотя бы врачу. Вдруг она и впрямь сумасшедшая?» И тогда ты вспомнил своего старого приятеля Жанена. Взял Альбера в свидетели чистоты своих намерений. Если Жанен, осмотрев Лиз, решит, что она… Ну что? Разве не так все было? Да не отвечай! Ты ведь будешь говорить только в присутствии своего адвоката, верно? А Альбер знал,

что его сестра беременна…

Все произошло так внезапно, что Мегрэ не успел отскочить. А может быть, он как раз хотел, чтобы дело приняло именно такой оборот? Марсель схватил его за лацканы пиджака и, еще немного, как следует тряхнул бы.

— Что вы сказали? Что вы сказали?

— Хочешь, чтобы тебе это подтвердил доктор из клиники? Сейчас сделаем. Тебе придется лишь поговорить по телефону…

— Лиз…

— Да, беременна! Такое случается. Вот почему судья неожиданно так легко согласился выдать дочку за неотесанного мужлана вроде тебя. Вот почему Альбер поехал с тобой в Нант. Из осторожности. Он не хотел стать вместе с сестрой посмешищем всего Эгюийона… Меня интересовала одна деталь. Я все ломал себе голову: неужели Жанен согласился взобраться по стене, чтобы осмотреть пациентку? Нет! Все было проще. К себе ты его привезти не мог, поскольку твоя мать была в курсе, а ты предпочитал не посвящать ее в эту историю. Так вот, вы втроем поужинали у Альбера. Могу даже сообщить, что ели вы камбалу. Потом, когда к судье пришли гости, началась партия в бридж и путь был свободен, Альбер провел

доктора. У него есть ключ. Тихо пройти на второй этаж не так уж трудно. Я кое-что уже заподозрил, еще когда он решил передо мной высадить дверь плечом. Если у него был ключ от входной двери, вполне возможно, что… Впрочем, это тебя не касается. Альбер провел доктора Жанена к сестре, а сам остался ждать. Ну, а ты, дурачина, бродил вдоль стены, по которой обычно влезал к ней.

Мегрэ обернулся к двери и увидел, что Альбер Форлакруа стоит за нею с угрожающим видом.

— Ты, надо думать, пережил несколько неприятных моментов. Приперлась Тереза и начала угрожать. Ты никак не мог понять, почему не возвращаются Альбер и Жанен… Так и быть, расскажу тебе. Осмотрев девушку, Жанен пришел к Альберу в кладовку для фруктов. Что он ему сказал, нетрудно угадать. Первым делом он заметил: «Но ведь ваша сестра ждет ребенка…» Потом… Глянь-ка на него! Да не на инспектора! Обернись к двери! Ты посмотри на его физиономию!

Мертвенно-бледный, с исказившимся лицом, Альбер Форлакруа стоял, уцепившись за дверную ручку, и губы его были какими-то странно влажными.

— Входите, Форлакруа. Вам будет лучше слышно. Я хочу рассказать, что вам сообщил доктор. Он

сказал, что ваша сестра неизлечима, что бесчестно толкать ее в объятия порядочного человека, что ее место в психиатрической лечебнице и что его долг как врача…

— Это неправда! — произнес он тусклым голосом.

— Что неправда?

— Я не убивал его. Это сестра, — и Альбер наклонил голову, словно намереваясь броситься на них.

— Эту историю вы рассказали Марселю, когда вернулись один. К несчастью, если бы Лиз убила доктора молотком, лежавшим в кладовке, ей не пришло бы в голову протереть рукоятку. Где она могла слышать про отпечатки пальцев? Нет, голубчик! Это вы ударили его в приступе бешенства, и, кстати, если не возьмете себя в руки, он и теперь у вас может начаться. Доктор заявил, что собирается сообщить всю правду Марселю. Вы настаивали. Вы хотели, чтобы брак был заключен любой ценой. И тут вас охватил ваш обычный приступ бешенства. И знаете… Да, голову даю на отсечение!.. Знаете, что подумал доктор Жанен, увидев, как вы бросаетесь, словно одержимый? Он подумал, что у вас в семье безумна не только ваша сестра и что…

Альбер Форлакруа с исказившимся лицом, с горящими глазами ринулся на комиссара. Он хрипло дышал, но прежде чем дотянулся до Мегрэ, его схватил за плечи Марсель, и они оба покатились по полу. Ничуть не обеспокоенный происходящим, комиссар подошел к столу, налил себе выпить, закурил трубку и, наморщив лоб, глянул на дерущихся.

— Межа, надень ему наручники, если сможешь. Так будет спокойней.

Задание оказалось не простое: оба соперника не уступали друг другу в силе. Форлакруа неистово вцепился зубами в большой палец Эро. Марсель не удержался и вскрикнул. Щелкнул один браслет. Межа никак не удавалось овладеть второй рукой, и тогда, разъярясь, он неловко, но изо всей силы начал молотить кулаком по физиономии Альбера.

Дидина прилипла к стеклу, нос у нее сплющился, глаза блестели, а тонкие губы кривились в довольной улыбке.

— Ну как?

— Готово, шеф!

Второй стальной браслет сомкнулся наконец на запястье.

Марсель Эро, пошатываясь, сжимая правой

рукой кровоточащий большой палец левой, с трудом поднялся. Он тоже схватил со стола бутылку водки. Но не для того, чтобы выпить. Ему нужно было продезинфицировать рану. Палец был прокушен до кости.

В распахнувшихся дверях появился жандарм.

— Я нужен вам?

А Мегрэ неподвижно стоял и оглядывал всех по очереди: удовлетворенно покачивавшую головой Дидину, Межа, у которого все руки были в крови и который не скрывал своего отвращения, остолбеневшего жандарма, Эро, завязывающего палец клетчатым носовым платком.

Альбер Форлакруа, покачиваясь, поднялся, верней, сел с отупелым видом на пол; тело его все еще сотрясали судороги.

Тишина стояла такая, что слышно было торопливое тиканье лежащих на столе часов. Мегрэ поднял их за конец цепочки. Они показывали десять минут третьего.

— Он убедил меня, что это она, — пробормотал Эро, тупо глядя на палец. — И тогда, чтобы отвести подозрения…

Мегрэ чувствовал такую усталость, словно только что тащил на себе весь земной шар.

— Межа, займешься ими?

Комиссар вышел, попыхивая трубкой, и медленно побрел к причалу. За спиной у себя он слышал семенящие шаги. Море поднималось. В небе скрестились лучи маяков. Только что взошла луна, и из темноты выплыл белый дом судьи; белизна его была резкой, мертвенной, нереальной.

Шаги замерли. На углу улицы сошлись два силуэта. Это Дидина встретилась со своим кривым таможенником, который поджидал ее, и принялась вполголоса что-то рассказывать.

— Интересно, отрубят ли ему голову? — произнесла она чуть громче, зябко кутаясь в шаль.

Через несколько секунд скрипнула дверь. Они вошли в дом. Сейчас они залезут на высоченную кровать под перину и, должно быть, еще долго будут шептаться в темноте.

Оставшись один, Мегрэ вдруг поймал себя на том, что задумчиво произнес:

— Ну вот и все!

Да, это был конец. Наверное, он никогда больше не вернется в Эгюийон. Для него поселок останется лишь серией отдаленных пейзажей, крохотных и в то же время поразительно четких, словно смотришь в хрустальный шар: маленький мирок, самые разные люди… Судья у камина.

Константинеску в версальской квартире и его дочка, обучавшаяся в консерватории. Престарелый Хорас Ван Ушен, его слишком светлые брюки и кепи из белого сукна. Тереза, которая будет стараться любой ценой выскочить замуж. Вдова Эро, думавшая, что теперь до конца дней она обречена на одиночество в своем доме, но внезапно обретшая верзилу-сына…

В темноте раздался звук мотора, и Мегрэ вздрогнул. Но тут же понял, что старик Барито поплыл ставить верши на угрей.

Кстати! Какой сегодня прилив?